

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР.

Салтыков-Щедрин

Минуло столетие со дня смерти гениального русского писателя-сатирика, непримиримого борца против крепостничества и самодержавия — Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Сегодня вся советская страна с любовью чувствует память великого художника слова, чье сердце горело пламенной ненавистью к угнетателям и паразитам, чья разящая сатира помогала народу прокладывать пути к свободе и счастью.

Щедрин горячо любил свою родину. Вся его деятельность, как писателя-борца, была проникнута духом подлинного патриотизма. Щедрин говорил: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России...»

Я желал видеть мое отечество не столько славным, сколько счастливым — вот существенное содержание моих мечтаний на тему о величии России... Какой народ может с большим правом назвать себя по-настоящему славным, как не тот, который сознает себя по-настоящему счастливым?»

В этих словах звучит глубоко народное понимание патриотизма. Щедрин был убежден, что века рабства и гнета не могли убить в народе стремления к лучшей жизни, не могли не зажечь огня ненависти к угнетателям. В «Мелочах жизни» он писал: «Ясно, что идет какая-то знаменательная внутренняя работа, что нарождаются новые подземные ключи, которые вытискиваются с очевидной решимостью пробиться наружу».

«Щедрин, — говорил Горький, — шел в ногу с жизнью, и на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей... Да, Щедрин умел смотреть в лицо жизни. От его взора не ускользало ни одно сколько-нибудь крупное явление в общественной жизни страны; мимо него не прошли ни крестьянские волнения, ни первые стачки рабочих в середине 80-х годов; он умел наблюдать, взвешивать, обобщать и, как говорил Горький, «с промоческой предвидельностью» пути, по которым должно было идти и шло русское общество...»

Щедрин полон уверенности в конечной победе народа. Эта уверенность делает его сатиру столь острой, смех таким уничтожающим.

Салтыков-Щедрин принадлежит к числу тех писателей, которым по справедливости может быть присвоено название реалиста. Трезвая мысль художника-реалиста помогла ему создать замечательные по своей яркости обобщающие образы старого мира. Они входят в галерею сатирических образов мировой литературы, они стоят рядом с персонажами Рабле, Вольтера, Swifta.

Ленин всегда подчеркивал глубокую актуальность сатирической сатиры. В 1912 г. он писал в редакцию «Правды»: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, питировать и растолковать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии». Воспитательное значение Щедрина было огромно. Произведения великого сатирика укрепляли ненависть к крепостничеству, рабству. Щедрин и Некрасов, по словам Ленина, учили русское общество различать под «спрягажной» и «памятной» внешностью полное лицо врага и его хищные интересы.

Произведения Щедрина, пережив свое время, надолго сохраняют обличительную силу, — до тех пор, пока существуют злодеи, предатели, хищничество и другие порождения старого мира, пока вообще существует капитализм и его пережитки в сознании людей нового общества.

Недаром товарищ Сталин так часто пользуется щедринскими образами в борьбе против фашистского мракобесия и против еще сохранившихся в нашей среде бюрократизма, головоугодия, «помпадурщины».

Острое щедринское перо послужило орудием в борьбе народа с самодержавием. И когда в 1907 г. кадетские иудушки пытались лживыми речами обмануть крестьянские массы, Ленин писал: «Жаль, что не жили Щедрин до «великой» российской революции. Он приобид бы, вероятно, новую главу в «Господам Головлёвым»... В 1909 г. Горький утверждал, что в годы реакции Щедрин «...ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте».

Салтыков-Щедрин — один из самых близких нам художников прошлого. В облике Щедрина, как писателя и человека, есть черты, роднящие его с Горьким — великим художником пролетариата, унаследовавшим лучшие традиции старой русской литературы.

С подлинной щедринской смелостью Горький говорил правду в глаза врагам. Подобно Щедрину, он стоял на страже интересов литературы, оберегая ее от непрошенных прихлебателей, профанирующих высокое назначение искусства. Подобно Щедрину, он призывал к честному и бережному обращению со словом. Неустанный забота Горького о судьбах литературы, о воспитании молодых писателей живо напоминает деятельность Щедрина в этой области. Щедрин и Горький были литераторами в самом точном и высоком смысле этого слова. Оба они стояли во главе передовой литературы своего времени. Традиции сурового щедринского реализма нашли в творчестве Горького свое достойное продолжение и завершение.

Чествование памяти Щедрина совпадает с другой знаменательной датой — со 125-летием со дня рождения Шевченко, нашего на-днях торжественно отмечала наша страна. Шевченко и Щедрина, величайших представителей украинского и русского демократического искусства, объединяет их пламенная ненависть к самодержавию, общая борьба за светлое будущее народа.

Русские революционные демократы были друзьями и учителями Шевченко. Прочитав «Губернские очерки», великий поэт записал в своем дневнике: «Я благодарен перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возразилась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих!».

Пушкин, Гоголь, Чернышевский, Некрасов, Щедрин, Горький — имена, которые создавали мировую славу русской классической литературы. Ее великие гуманистические традиции, ее революционный пафос наследует молодая советская литература, у колыбели которой стоит гениальная фигура Горького.

Мечты Щедрина, мечты лучших русских людей о величии своей родины, о счастье народа осуществились полностью. Народ дышит полной грудью! Расцветает новая культура. Во всех областях нашей многогранной, красочной жизни появились люди-гиганты, люди неподдельного мужества и отваги, люди ярких дарований и талантов.

Впервые в истории победивший народ взял власть в свои руки и показал изумленное человечеству, чего он может добиться, когда сам строит свою жизнь, сам создает величие своей страны. Великая вера Щедрина в неисчерпаемые творческие силы народа оправдалась полностью.

ЗАКРЫТИЕ ЮБИЛЕЙНОГО ПЛЕНУМА

Днем 8 мая на заседании пленума был избран президиум правления союза советских писателей. В него вошли 15 товарищей: Н. Асеев, В. Вишневский, В. Герасимов, А. Караваев, В. Катаев, А. Корнейчук, Я. Купала, В. Лебедев-Кумач, А. Машаев, П. Павликов, Л. Соболев, А. Толстой, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов.

Вечером при переполненном зале состоялось заключительное заседание пленума. На заседании присутствуют секретарь ЦК КП(б)У Г. Буринченко и председатель СНК Украины Т. Короченко.

Первым выступает тов. Войченко. Он передает привет от художников Советской Украины представителям литератур братских республик.

Сотрапевникам великого кобзаря от свободного народа Татарии слова приветия произносит Шейки Мансур.

Поэт Сергей Городецкий в своей краткой речи призывает неустанно учиться у Тараса Шевченко.

Слово получает Юрий Яновский. Он говорит о том, что Тарас Шевченко идет по времени и пространству, и сердце его не перестает стучать в груди, и глаза его не погасли.

К 20 тысячам записанных песен украинского народа. — продолжает свою речь Ю. Яновский, — присоединяется с полным правом лучшая песня народа, жемчужина его славы — «Кобзарь» Тараса Шевченко. Творчество Шевченко живет, сверкает, оно совершенно.

Сердца полны любви и восхищения в некоем, который привел наши народы в нерушимую радостную братству.

Священный и радостный долг советских писателей — написать произведения, посвященные великому гению коммунизма и отцу нашей славы — Иосифу Виссарионовичу Сталину.

На трибуне Маризата Шагиния. Она посвящает свое выступление одной области, которая еще не изучена достаточно, — это отношение Шевченко к природе.

Речь таджикского поэта Рахими посвящена тому, как таджикский народ знакомится с творчеством великого кобзаря.

Весь зал долго и бурно аплодирует, когда на трибуну поднимаются дети. Маленькая школьница Тамара Брусловская говорит:

— Мы очень просим всех писателей писать хорошие книги, а мы даем слово учиться так, чтобы Сталин сказал: «Отлично, ребята!».

С огромным подъемом пионерка Нада Матусова прочла свои стихи, посвященные пленуму.

Вслед за тем выступают народные кобзари Украины В. М. Перепелок, И. С. Иванченко, Е. Ф. Мовчан, народный акын Казахстана Наса Байзахов. На всех языках народов СССР звучат стихи и песни Т. Г. Шевченко, которые читают в переводах поэты Сурков, Браун, Янка Купала, Рахими, Чиковани, Тихонов, Жаров, мордовский поэт Разин, еврейский поэт Хомеватский, Безменский, Головановский, Пендковский, Сербин, удмуртский поэт Петров, Упатов, марийский поэт Ефремов-Петров, Валеев, Благинина, Габеля, Родественский, чувашский поэт Василий Усти, Фефер, Зягинцева, киргизский поэт Сасыкбаев, абхазский Квициния, молдавский Корнфельд.

Выступления поэтов окончены. Председательствующий А. Фадеев объявляет юбилейный пленум закрытым.

Весь зал в едином порыве поднимается, и прекрасные своды нового зала заседаний Верховного Совета УССР покрываются звуками гимна трудящихся всех стран — «Интернационала». Звучат дозвонки: «Да здравствует великая дружба народов», «Сталину, ура!» «Кай живе товарищ Сталин», «Молодого, ура!» Долго не утихает бурная овация в честь товарища Сталина, тов. Молотова, тов. Хрущева, в честь великой дружбы народов СССР.

БНБВ. (От наш. спец. корр.)

В президиуме пленума правления союза советских писателей, посвященного 125-летию со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. Слева направо: В. Катаев, П. Панч, А. Толстой, А. Фадеев, В. Лебедев-Кумач, А. Серафимович, П. Тычина, Я. Купала и А. Корнейчук. (Фотохроника ТАСС.)

ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ССП

5 мая ШЕВЧЕНКО И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тема доклада народного поэта Белоруссии Якуба Коласа — «Творчество Шевченко и белорусская литература».

— Простая, волнующая деталь из жизни поэта, — начинает свой доклад т. Коласа, — мальчик-подросток, лет 15—16, в числе дворовых помощиков Энгельгарда, царского чиновника, идет пешком, «по етапу», из Варшавы в Петербург. Барин уехал в карете, а челядь кивляет пешком, — зачем барину лишние расходы? Мальчик-подросток определен в услужение к помещику-самодуру. Одна его нога в сапоге, другая босая. Его умный, внимательный взор останавливается на картинах природы Польши и Литвы, на мятках и разнообразных, часто смеющихся пейзажах Белоруссии. Он несет в своем сердце какую-то заготовку, тяжелую думу. Где-то остался его любимый, родная страна, обреченная его безрадостное детство заскоком украинским солнцем.

Он вслушивается в разговоры, в рассказы, в песни и думы народа, в которых так сильно звучит извечное горе и ненависть к угнетателям. Его молодое, чуткое сердце, в котором сложились миллионы сердец великого трудового народа, жадно впитывает в себя горе и ненависть, мечты и чаяния народа, как впитывает осушенная землей живительную влагу грозовых дождей. В скитаниях и дорогах, с самого раннего детства, наблюдает жизнь юный Тарас Шевченко, гениальный кобзарь украинского народа. Так накапливается его жизненный опыт, так образуется источник его чарующей своеобразной поэзии, неотделимо слитой с поэзией народа.

Поэзия эта близка и понятна белорусскому народу: ведь так много общего и тождественного в исторических судьбах белорусов и украинцев. И те и другие в одинаковой степени испытывали гнет литовских князей и польских королей. И те и другие на протяжении долгих столетий совместно боролись со своими угнетателями — польскими помещиками и магнатами. Пелый ряд крестьянских восстаний на Украине и в Белоруссии проходит в тесном взаимодействии. Так, в южной части Белоруссии, примыкающей к Украине, крестьяне собрали большой отряд под предводительством украинца Небабы.

Они жили и росли в панских усадьбах и костелах. Вместе с ними боролись белорусские отряды под руководством Пелюшечки, Хвеськи, Михненко, Кривошапки и Гаркучи. Героически дрались белорусские крестьяне вместе с украинскими казаками под Пинском, Мозырем и Бобруйском. Они погибли в неравной борьбе с Польшей, предпочитая смерть панской неволе. И именно в критические моменты, в моменты непопулярной борьбы приходил на помощь могучий русский народ.

Социальное безразличие и национальный гнет царского самодержавия с одинаковой силой дожимали на украинский и белорусский трудовой народ. Эта постоянная историческая связь, эта тождественность исторических условий двух народов и их языковая близость наложили отпечаток сотрудничества на их взаимоотношения. Эта же общность исторических судеб и интересов породила и общие мотивы народного творчества. Вот почему поэзия Шевченко, вытекающая непосредственно из живых гонок фольклора и личного наблюдения гонимых, глубоко революционная по своей сущности, искренняя и простая по форме, так горячо воспринималась трудящимися массами белорусского народа и находила живой отклик в их сердцах.

Целый ряд стихотворений гениального украинского кобзаря, пепла и трибуна угнетенного народа, непокорного бунтара, получили широкое распространение среди белорусского народа.

Многие народные белорусские песни перекликаются со многими произведениями гениального украинского поэта.

Уже в первых стихах Янка Купала чувствуется гневный голос Тараса Шевченко, когда он выступает против царского гнета и богатей. Знаменитые щевченковские стихи

Думи моі, думи моі,
Ліхо мені з вамі.
Нашо стали на папері
Сумніны радзімы?
Што у душы, гэ тыя іштукі,
Песняй завіялі?

находят отклик у Купалы:

Думкі, думкі-вяселушы,
Стуль вы узліліся,
Што у душы, гэ тыя іштукі,
Песняй завіялі?

Первые два стихотворения своих стихов Купала издает под названием «Жалейка» и «Гусларь». В самих этих названиях чувствуется перекличка с щевченковскими «Коб-

зарем». Шевченко — любимый поэт Янки Купала. Еще в 1906 году он первый в белорусской литературе переводит стихи Тараса Шевченко «Мінають дні, мінають ночі» на белорусский язык.

Своими переводами Шевченко, над которыми Купала работает давно, он познакомил молодое поколение белорусских поэтов с поэзией великого украинского кобзаря. И молодежь училась поэтическому мастерству у Шевченко.

Глубокие следы влияния Шевченко носят на себе поэзия Павлика Труса, Это — поэт послевоенного времени, молодой и очень талантливый. Но талант его не успел расцвести: Павлик Трус умер 25-летним юношей. В скромном имуществе, оставшемся после смерти юноши-поэта, сохранился экземпляр «Кобзаря», с которым он никогда не расставался. Многоценные пометки в тексте книги свидетельствуют о том внимании и любви, которые питал Трус к поэзии великого поэта. Об этом же свидетельствует и тот факт, что Трус знал наизусть почти все «Кобзаря».

Украина, украинские степи, курганы, хаты в вышневых садах очень часто упоминаются в стихах и незаконченных поэмах Труса. Например, в его поэме «Завітання»:

Ты усюмі стэпы Украіны,
І спевы звонкія здаучы.
Настане ноч. Па-над далінай
У тумане дремлючы ветракі,
Заводзяць песню паўрочкі,
І у вільнях журацка хаціны.

Тон и ритмический рисунок поэзии Шевченко во всем ее своеобразии, использование характерного для Шевченко семистопного хорея с цезурой после четвертой стопы, поэтические приемы параллелизма — все это широко позаимствовано молодым белорусским поэтом у Тараса Шевченко.

Очень высоко ценил Шевченко другой белорусский поэт Максим Богданович, выдающийся мастер поэтического слова и серьезный критик. Так же, как и Павлик Трус, Богданович умер в раннем возрасте. Ровно 25 лет тому назад он написал две статьи, посвященные гениальному автору «Кобзаря». Одна статья носит название «Краса и сила» — опыт исследования стиха Т. Г. Шевченко. Эту статью он назначил словами:

«Есть звезды, которые так близки друг к другу и так ровно сияют свой свет, что кажутся нам одним неразрывным пелым. «Двойными звездами» называются эти светила. Их судьба стала судьбой музыки Шевченко и украинской народной поэзии. Двойной звездой светит они в мире искусства и красоты».

Сделав подробный анализ ритмической поэзии Шевченко, отметил ее своеобразие, особенности, Богданович приходит к выводу, что «в лице Шевченко мировая литература имеет поэта со стихом мелодичным и изящным, поэта, который красоту своих произведений строит не на будущих в глазах читателей поэтическую возделания, а наоборот — на средствах наиболее тонких, асозвонных, аналитических, внутренних ритмов; поэта, который к этой красоте указанных элементов стиха присоединяет еще необыкновенную силу своих ритмов».

125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко вызвало огромный интерес со стороны белорусских поэтов к литературному наследству великого певца украинского народа. Горячо откликнулись они на эту знаменательную дату. Они поставили перед собой задачу — дать полный и полноценный перевод «Кобзаря» на белорусский язык.

Белорусский народ, который распева и распевает песни Шевченко, часто не зная их автора, вправе потребовать от своих поэтов дать ему на белорусском языке любимую им поэзию великого соседнего народа, дать ее во всей ее чарующей красоте, глубине и силе, во всем своеобразии ее блеске. Мы ставили перед собой задачу — дать перевод, близкий к оригиналу, сохраняя все особенности поэтических приемов, поэтическую простоту и ясность, музыку и мелодичность щевченковской поэзии. Мы внимательно и много работали, преодолевая все трудности перевода, имея в виду — дать подлинного Шевченко белорусскому читателю. Эти трудности в основном, мне кажется, преодолены.

Тарас Григорьевич Шевченко, чья муза была целиком отана трудовому народу, непоколебимый борец за народное дело, поэт, который имел полное право сказать, обращаясь к своей суровой судьбе:

Мы не лукавілі з тобою,
Мы прамы шлі, і вет у нас
Зерна неправды за собою.

в наши дни выпростывается во весь свой гигантский поэтический рост перед многонациональным, многомиллионным советским читателем. Он по достоинству и по праву занимает место рядом с Пушкиным, Микшевичем и Гете, с Судейманом Ставским, с Некрасовым, с Байроном и Шота Руставели.

ШЕВЧЕНКО И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Затем слово для доклада получает грузинский писатель Алио Машаев.

— Народ, которым делятся величайшие идеи настоящего и светлого грядущего, имеет величайшие возможности к освоению классического культурного наследия, — начинает свой доклад т. Машаев.

— Таким именно народом является советский народ.

Не так давно мы праздновали юбилей гения великого русского народа Александра Пушкина; праздновали юбилей Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Ованеса Туманяна. Теперь мы празднуем юбилей великого украинского поэта Тараса Шевченко. Советские народы в победоносных боях за построение коммунизма нашли помощь в писателях прошлого, выразителях чаяний и стремлений народов. Таков Пушкин для великого русского народа, Руставели — для грузинского, Тарас Шевченко — для великого украинского народа. Почему эти поэты и в настоящее время являются бессмертными и любимыми? Потому что они в своих творениях высказывали идеи, стремления и чувства народа, и на его родном языке. А слово и дело народное — бессмертно. И творчество этих классиков также бессмертно.

Дружба украинского и грузинского народов имеет давнюю историю. Несмотря на то, что самодержавие сажало вражду между народами, эти народы стремились к культурному общению. Известный грузинский поэт XVIII века Давид Гурамшвили жил и творил здесь, на Украине. Во многих его произведениях чувствуются украинские народные мотивы.

Ролью голосом звучит поэзия Тараса Шевченко в среде грузинского народа. Грузинская литература прошлого века ролью была связана с революционным творчеством Шевченко. Боевые мотивы народной революции и национального освобождения объединяли грузинского классика Акакия Церетели с Тарасом Шевченко.

Существуют несомненные сведения о встрече студента Акакия Церетели с Шевченко. Это было в 1859 году на квартире профессора Бостомарова. Украинский поэт произвел неизгладимое впечатление на молодого грузинского поэта. Ознакомившись в беседе с мэтрским прошлым грузинского народа и с его колониальным угнетением, Тарас Шевченко тоскливо заметил: «Как много у грузинского народа общего с украинским».

Только раз встретился Акакий Церетели с Шевченко, но эта встреча оказала огромное влияние на грузинского поэта.

Полные гневного протеста стихи Тараса Шевченко несомненно находили отклик в творчестве Акакия Церетели. Исторические произведения Церетели «Валли Астук», «Нателла» преследуют почти те же цели — цели борьбы за освобождение народов, как и щевченковская «Гамалия», «Гайдамаки» и др. Стихи Церетели «Визжал», «Последнее желание», «Долой» своей политической заостренностью напоминают стихи Шевченко «Швачка», «Юродивый», «Хоча лежачо і не б'ють» и др.

В своей замечательной поэме «Кавказ» Шевченко судьбу кавказских народов, угнетенных Прометея, прикованному к вершине Кавказа, который скоро разорвет оковы и вернет народу освобождение:

Спокою века Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает.

ПЕРЕВОДЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Вечернее заседание открылось докладом Корнея Чуковского — «Переводы Т. Г. Шевченко». Доклад этот, насыщенный яркими примерами, остроумными сравнениями, едкими замечаниями, был выслушан пленумом с большим интересом.

— Почти все старые переводчики Шевченко, — говорит К. Чуковский, — были глухоумными, присутствующими на великопленном концерте: они не слышали музыки щевченковской речи и никак не передавали ее читателю. Конечно, передать эту музыку доступно лишь огромному мастеру. Заурядным средним переводчиком нечего и думать о том, чтобы воспроизвести в переводе изысканные аллитерации, ассонансы и звуковые повторы, — все то, что является у Шевченко не праз-

елью. Свободный советский народ, как никакая иная в мире, ценит истинных и великих сынов человечества, великих художников слова всех времен и всех народов, ибо советский народ — достойный наследник общечеловеческой культуры. (Аплодисменты).

ШЕВЧЕНКО И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Разбивает, да не выщепит
Крови животворной,
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.

Эту же идею Акакий Церетели проводил в стихотворении «Песнь о прикованном Амиране». (Амиран — Прометей).

Это также напоминает строфы из Церетели, которые поэт возвратившись из Грузии на родину победоносное грузинское войско:

К снеговой скале Кавказа был прикован
Амиран
И над ним орлы носились, кровь
сочлился из рещ.
Шевченко верит в будущее кавказских народов:

Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Во веки и веки.

Так же и Акакий Церетели:
Булет время, станет волнлым,
Разорвет пещей он змея,
Радость светлая заменит
Горе, ужас и мученья.

Мотивы поэзия Тараса Шевченко звучит также в произведениях другого грузинского классика — Илья Чавчавадзе. Например «Призрак» Чавчавадзе своей лексической конструкцией, формой и целенаправленностью напоминает «Сон» или «Исая» Шевченко. Как в этих двух произведениях Шевченко, так и в «Призраке» Чавчавадзе мы слышим плач о героическом прошлом родной страны, о мрачной действительности и надежде на светлое будущее.

Иные герои и героини Илья Чавчавадзе — «Закор», «Лабро», разбойник «Като», «Тамро» и др. — напоминают щевченковских «Ярему», «Гамалия», «Оксану», «Катерину». Сюжетно это в основном объясняется сходством той социально-политической несправедливости, тем ужасным положением, в котором вследствие царской колониальной политики вместе с другими народами порабощенными народами находились Грузия и Украина.

Далее Алио Машаев говорит о том, что поэзия Тараса Шевченко хорошо знали и высоко ценили грузинские деятели XIX века — Дмитрий Клишани, Илья Нплюлазе, Гогешвили и др. Большой популярностью пользовались поэмы и стихи Шевченко и в грузинском народе.

Только Великая Октябрьская революция, — говорит Машаев, — вывела поэзию Шевченко из мрака прошлого. Народ Советской Грузии и литературная общественность восторженно встречают 125-летие со дня рождения Тараса Шевченко.

Лучшими современными грузинскими поэтами полным переводом «Кобзарь». В этой большой и почетной работе приняли участие поэты: С. Чиковани, К. Лордкипанидзе, Исамави, Патарица, Д. Гачетмадзе, К. Наидрадзе и др. Книга издана издательством ССП Грузии «Федерация» издано поэмы «Сон», «Гайдамаки», «Катерина».

В Грузии проведено свыше 40 вечеров, посвященных творчеству Тараса Шевченко, его стихи переложены на музыку. Возбуждено коллегия по переложению поэмы Шевченко в городской салу, где стоят бюсты замечательных русских писателей А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Большую часть своего доклада А. Машаев посвящает затем современной грузинской советской литературе.

В 70—90-х годах культура стихотворного перевода была так низка, что во 400 томах переводов Шевченко, изученных К. Чуковским, у двух третей оказалась искаженной ритмика. А эта искаженная ритмика, как ни странно, приводила в порядок и к зловонному искажению политического смысла стихов Шевченко.

Окончание
на 2 странице.

Шевченковский пленум правления ССП

7 мая

У МОГИЛЫ ВЕЛИКОГО КОБЗАРЯ

Писатели сходят с трибуны. Но долго еще длится беседа с колхозниками на берегу Днепра, на зеленом лугу и в тени садов.

К четырем часам писатели поднялись на вершину Черечей горы. Сюда пришли и колхозники Кавенщины. Стоя у могилы, запели они чудесную песню — шевченковский «Заповіт». Они пели ее с огромным чувством, так, как умеют петь на Украине.

Як умру, то покаяйте Мене на могилі. Серед степу широкого, На Країні милій, Побі лани широкішої. І Дніпро, і кручі! Було видно, було чути, Як реве ревучий.

С этой горы, с могилы Тараса Шевченко мы видим Днепр, мы видим необозримые поля Украины...

А. Фалеев открывает торжественное заседание юбилейного пленума на могиле Тараса Шевченко. И в ту минуту, когда писатели молча склоняют головы над могилкой поэта, тучи закрывают солнце, ветер клонит верхушки деревьев до самой земли...

Речи писателей, произносимые над могилкой великого кобзаря, радио разносило по всей стране, по всему миру.

Торжественно звучат слова Всеволода Иванова.

Со всех сторон широкой и богатой страны социализма сходили сюда мы, писатели, чтобы в честь 125-летия со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко возложить венки — в знак своей любви и уважения — на могилу великого сына украинского народа, гениального поэта и художника, пламенного и неустрашимого борца за счастье трудящихся.

В эти удивительные и гордые дни, нам, писателям всех братских республик Советского Союза, собравшимся здесь, на берегах древнего Днепра, в сердце прелестнейшей страны Украины, радостно сказать, повторить, воспеть пред читателями — трудящимися всего мира, что заветные мечты Шевченко исполняются! Давно уже оброщены цепи угнетения, цепи рабства, оброщены навсегда, потому что в одной шестой части земного шара непоколебимо твердо стоит социализм — неуловимый страх мира, защитник правды и славы передового человечества!

Как эта река, над которой мы стоим, летит, бегит, серебрится, летит неудержимо и сильно, так же разлилось по нашей стране чествование Т. Г. Шевченко, превратившееся в море, в общесоюзный праздник советского искусства, в торжество его. Разве это одно не показывает с мощью необычайной, что цепи капиталистического рабства разбиты навсегда, что победоносное строительство нового общества несомненно!

Писатели приехали на Украину, чтобы рассказать, как они понимают, чувствуют, изучают творчество Т. Г. Шевченко. Доклады на шевченковском пленуме замечательно раскрывают, анализируют творчество гениального поэта, и гений Шевченко приобретает новые грани, сияет все сильнее потому, что всякое великое творчество — это то волшебное семя, которое пускает ростки, поспев и все же остается семенем для будущего.

Как и ранее, раскроем книгу, прочтем строфу — сердце горит и глаза устремляются вперед. Вспоминаешь о том далеком времени, когда дашно, мальчином еще, в далекой Сибири услышал я впервые «Заповіт», и в строках этой песни увидел и услышал «я Днепр и кручи». И теперь вспомнил я, как песня Тараса Шевченко через пустыни, леса и горы ударила мне в сердце всплеском этих днэпровских волн, и всплеск этот всегда будет звучать в моем сердце, пока оно бьется.

Социализм и наша Советская страна — это неуклонное, неостановимое стремление к знанию, к творчеству, работе! Гений Тараса Шевченко участвует в этом творчестве, в этой работе.

Эти венки, принесенные нам от 11 советских республик, — одновременно лавровые венки бессмертия и почта на его мудрое и вечно живое чело, на его песни, которые всегда будут любимыми песнями советских людей.

Да здравствует наше творчество! Да здравствует жизнь! Да здравствует наша родина! Да здравствует великая партия Ленина — Сталина! Да здравствует Сталин!

Речи произносят Иван Сенченко, Авентик Исаевич, Георгий Леонидович и В. И. Лебедев-Кумач.

К могиле Тараса Шевченко подходит украинский поэт и депутат Верховного Совета УССР от трудящихся Кавенщины, академик Павло Тычина.

В глубокой тишине он говорит:

— От имени великих советских народов, от имени счастливого человечества, тебе, бессмертный кобзарь, великий поэт-революционер, мы, писатели советской земли, приносим свой поклон, приносим слово любви и благодарности.

Павло Тычина на украинском языке читает «Заповіт» Тараса Шевченко.

І мене в сім'ї великій, В сім'ї вольній, новій, Не забудьте пом'янути Недалеким тихим словом

И вслед за украинским поэтом великую «Заповедь» повторяют — каждый на языке своего народа — русский поэт Александр Безыменский, белорусский поэт Янка Буняка, еврейский поэт Гросси, казахский поэт Таджибаев, киргизский поэт Сасыкбаев, татарский поэт Худай Али, армянский поэт Гегам Сарьян, чувашский поэт Иван Ишк и грузинский поэт Симон Чиковани.

Прекрасные венки с широкими алыми лентами возлагают на могилу Тараса Шевченко писатели А. Фалеев, А. Горнейчук, С. Чиковани, М. Арази, Петро Панч... Весы в цветах могильный холм, на месте которого через несколько дней будет воздвигнут величественный памятник.

И вновь звонкий женский голос затягивает «Заповіт». Песня течет, как вода Днепра, вольно и плавно...

Окончание. Начало на 1 странице.

Таких переводчиков, как например, редактор казенно-славянофильского толка Бергу, была чужда революционная поэзия Шевченко. В его шевченковском переводе «Шамален» строфы, звучащие, как плач миллионов украинских крестьян, томившихся в тюрьме самодержавия, переведены в «спасовом стиле», разрушающем внутренний смысл поэмы.

Чего только ни делали со стихами Шевченко эти классово-враждебные переводчики, чтобы при помощи своих переводов вытравить из «Кобзаря» его боевую тематику и его поваторский, демократический стиль. Даже через 50 лет после смерти Шевченко либеральный литератор Славинский взял его издательскую сатиру на Александра II и так переписала ее, что она звучала, как... хвалебная ода! Славинский вычеркивает из своего перевода «щепы» и «оковы», в которые мечтает заковать свой возлюбленный народ Нума Помпидий, и заменяет в переводе «кандалы» — «справами» (!), а «щепы» — «книгами» (!). Такая фальсификация, такие искажения у реакционных переводчиков — обычное дело.

Чем же объяснить такое злое искажение шевченковских текстов? К Чувковскому напоминает, что в начале 60-х годов, едва Шевченко вернулся из ссылки, его стали переводить, главным образом, близкие ему по убеждениям люди, революционеры-демократы Михаил Михайлов, Николай Курочкин, петрашевцы Плещеев... Единомышленники Чернышевского, они могли точнее переводчиков выразить в своих переводах революционную направленность поэзии Шевченко. Но Михайловский стоял на каторге, а Плещеев и Курочкин так приладили цензура, что нечего было думать о переводе революционных стихов. Наступление реакции, варварская расправа правительства с Чернышевским и М. Михайловым, каракозовский выстрел, террор Муравьева-Вешталя, разгром «Современника» — все эти события, происшедшие в первое же пятилетие после смерти Шевченко, отнюдь не способствовали внутреннею его революционной поэзии в русскую литературу той эпохи.

Вот и случилось, что вследствие этой вынужденной немоты близких к Шевченко революционных писателей за переводы его «Кобзаря» взялись враждебные ему люди. Фальсификация поэзии Шевченко немало способствовала, конечно, и цензура. Даже в 1874 году она не позволила переводчику Чмыреву воспроизвести ту, казалось бы, совершенно безопасную строку «Кобзаря», где говорится, что коса смерти не падает и парей. Парей было предписано считать бессмертными, и вместо этой строки в переводе Чмырева наизусть поставлены точки. Что же говорить о «Заповити», о «Кавказе», о «Сне», о поэме «Даря», обо всех революционных сатрах и поемах Шевченко. Нужно было, чтобы читатель и не подозревал о существовании этих поэм. Цензура так подгоняла эти стихи «Кобзаря», что на языке 50 лет он превратился в книгу великого гнева в сентиментально-буколический пессимизм о внешних садах и чернотных красавицах. Цензура и реакционные переводчики делали все, что могли, чтобы вытравить из этой книги ее боевую тематику, ее новаторско-демократический стиль. Славинский делал из поэта-революционера рыцаря либерала, заменял взрывчатку, поваторски-смелую эстетику прилаженной и банальной. Так же переводили Шевченко и Доброхотов, и Аполод Корниловский, и Лейко, и Василий Соболев. Создавалась целая школа «сглаживаний» всего дерзновенного, что есть в поэзии Шевченко.

Характеризуя отдельные дореволюционные издания Шевченко, К. Чуковский указывает и на тех немногих переводчиков, которые пытались дать читателю подлинного Шевченко. Например, революционный демократ 70-х годов Пушкирев из «дозволенных цензурой» стихотворений упорно переводил те, что были наиболее насыщены ненавистью к тогдашнему строю. Реакционные качества многих других переводчиков были чужды и А. Колотовскому, переводчику-самородку, которому, однако, нехватало словесной культуры: наряду с немалыми удачами в его переводе встречались страшные провалы. Это было связано со всей старой системой перевода, допускавшей ритмические, словесные, смысловые искажения и неточности.

Советская эпоха предъявила новые требования к переводу. Современный переводчик обязан заботиться о точном воспроизведении подлинника.

— Замечательно, — говорит далее К. Чуковский, — что почти все русские поэты включались в работу по переводу Шевченко. Поэты различных направлений, поэтические биографии и школ — все объединились в благоговейной любви к великому украинскому гению. Все большие издательства Москвы и Ленинграда: Гослитиздат, «Советский писатель», Детиздат, «Молодая гвардия», «Искусство» стали издавать своего «Кобзаря», и разные поэты, переводя одни и те же стихи, соревновались между собой.

И первая особенность новых переводов «Кобзаря» — в том, что революционное содержание поэзии Шевченко вскрыто в них со всей полнотой. Советские переводчики чувствуют революционную направленность шевченковских стихов, в их переводах уже не может быть вольной или невольной отсебятины, смелчий, подставок и вымыслов, которые в старых переводах фальсифицировали Шевченко. Перевод «Кавказ», сделанный Антокольским, а также Благининой, поэма «Сон», переведенная и Державиным и Цвелевым, «Свите ласній, свите тихий» в переводе Безыменского, «Юродивый» в переводе Суркова определяют достаточно ясно политическую линию советской интерпретации Шевченко.

Вторую особенность советских переводов Шевченко К. Чуковский видит в верности шевченковскому ритму, обеспечивающей точную передачу эмоциональных интонаций поэта и навсегда положительной

конеч тому самоуправству переводчиков, которое продолжалось без малого 70 лет.

Третья особенность советских переводов «Кобзаря» — это их реализм. У прежних переводчиков Шевченко, даже лучших, шевченковские чумачи и запорожцы все же смахивали немного на оперных.

Наконец, четвертая особенность новых переводов заключается в строгом соблюдении народного, демократического, фольклорного стиля «Кобзаря».

Советские поэты, которые в своей переводческой практике ежечасно приобщаются к фольклорной практике всех национальностей, научились относиться к поэтическому творчеству братских республик с таким уважением, что не допускают никакой сущности и фальсификации; шевченковские песни звучат у них, как полные украинские песни, сохраняя свой национальный колорит. К. Чуковский особенно выделяет фольклорный стиль переводов Б. Благининой и А. Твардовского. Он отмечает также перевод «Мария», сделанный Б. Пастернаком.

Удачи советских переводчиков «Кобзаря» Корней Чуковский объясняет той школой переводческого мастерства, какой являлась для наших писателей огромная работа по переводу творчества народов СССР. Эта школа дала всему коллективу советских писателей ту словесную технику, те приемы и навыки, какими не обладали, за исключением 2—3 одинок, поэты предыдущих эпох. Разумеется, не все новые переводы Шевченко прекрасны. Напротив, вереди еще много работы, но главное уже сделано: выработан правильный метод научно-художественной интерпретации Шевченко.

— Как изумился бы Шевченко, — заканчивает свой доклад К. Чуковский, — как изумился бы этот скромнейший из великих поэтов, если бы мог присутствовать на нынешнем празднике и узнал, что его «Катерина» переведена на десятки языков. Если бы находящиеся в этом зале поэты братских народов вздумали прочитать нам переводы одной только «Катерины», мы слушали бы их целые сутки. И суток этих оказалось бы мало.

Именно об этих народах Шевченко писал:

Од молдованина до фіна На всіх язиках все мовчить... Багодаря ленинско-сталинской национальной политике все заговорило теперь в этот шевченковский год «од молдованина до фіна», заговорило и Шевченко, заговорило с такой порывистостью, благодарной любовью, таким многоголосым дружным хором, что если бы мы ничего не знали о Советской стране, а слышали бы только эти голоса сплоченных народов, прославляющих украинского гения, мы по этому одному могли бы понять, что случилось на одной шестой земного шара.

Каждый из присутствующих здесь писателей может рассказать о вкладе своего народа в шевченковский праздник. И тогда мы еще лучше пойдем, какое это чудо, что все Украина Тараса Шевченко, все ее чумачи, гайдамаки, наймики, Катерина, Ярина и Оксана, и местечко Берестечко, и Днепр, и Чагирин, и Умань, и Киев, и самое небо украинское, и вербы, и тополя, — все это стало родным и своим для всех народов советской земли.

С большим докладом «Шевченко и мировая литература» выступил на вечернем заседании академик А. Белецкий.

В начале доклада он нарисовал картину далекой окраины царской России XIX века.

...Известковая, обрывистая гора. На ней церковь, гауптвахта, дом коменданта, однообразные, окрашенные в казенный желтый цвет дома. Песок и камень, — ни кустика, ни деревца. Жизнь — солдатская муштра, офицерский картеж, пыльность. Никаких книг, никаких газет, кроме официальной газеты «Русский инвалид». Вот здесь, в Ново-Петровском форту, с января по октябрь 1856 г. ссыльный и полнаторный рядовой Тарас Шевченко урывками писал свою повесть «Художник», дающую представление о художественных и литературных интересах гениального поэта.

— Повесть «Художник», — говорит академик А. Белецкий, — только один из документов, опровергающих долго державшуюся версию о «скудном образовании и не достаточном развитии Шевченко». Теперь из писем Шевченко, из его русских повестей, дневника, воспоминаний современников мы знаем, как разнообразна и велика была осведомленность Шевченко в произведениях мировой литературы, и не можем ей не удивляться. Эта осведомленность тем более удивительна, что обстоятельства жизни, как известно, не благоприятствовали стремлению Шевченко изучать литературу, которую он считал для себя «хлебом насущным». Крепостному казачку помещика Энгельгарта было также трудно заниматься систематическим чтением, как и ссыльному солдату. Из 47 лет своей жизни Шевченко мог свободно читать не более 12 лет!

Но список того, что за эти 12 лет он узнал из мировой литературы, значителен и разнообразен.

Подробно раскрывая и комментируя этот список величайших писателей и произведений, любящих Шевченко, Т. Белецкий особенно подчеркивает значительность темы «Шевченко и русская литература».

— При всей человеческой восприимчивости гения Шевченко, — говорит далее Т. Белецкий, — при всей его исключительной чуткости к эстетическим впечатлениям Шевченко умел оставаться самим собой — великим революционным поэтом, не повторяющим никого и не повторяемым никем во всей истории мировой литературы.

На вечернем заседании шевченковский пленум приветствовали народный артист УССР Гнат Юра, художественный руководитель Черниговского театра им. Шевченко Т. Волоник и представитель украинского союза советских композиторов Т. Данкевич.

можно найти не только в самой Испании, но и в Аргентине, в Бразилии. На английском языке произведения Шевченко можно найти в Канаде и Америке, в Англии и Австралии.

Тов. Аплетин подробно останавливается на иностранных переводах произведений Шевченко, ставя в книги и других материалов, вышедших в связи со 125-летним юбилеем.

Затем докладчик обращает внимание пленума на то, что наибольшее влияние Шевченко оказал на болгарскую литературу. В Болгарии чтут великого кобзаря, как символ единения поэта с народом, сочетавшего в себе высокий поэтический талант с искренностью несокрушимой воли.

Значительная часть доклада Т. Аплетина посвящена обзору статей в иностранной литературе в связи с юбилеем Шевченко. В газетах и журналах Румынии, Норвегии, Литвы, США, Англии, Бельгии, Швеции, Австралии, Франции, Канады и других стран вышли специальные странички, статьи, посвященные юбилею Шевченко.

Заканчивая свой доклад, Т. Аплетин говорит:

— Пусть творчество великого поэта украинского народа будет мощным оружием в руках передового человечества в борьбе с фашизмом, в борьбе за свободу и культуру!

Доклад на тему «Шевченко-художник» сделал Т. Раевский.

Эстетические воззрения Шевченко, творчество Шевченко, как художника, сопоставление биографий первого реалиста в нашей отечественной живописи — Федотова и Шевченко, подробный анализ произведений Шевченко как художника — содержание доклада Т. Раевского.

Заканчивая свой доклад, он высказывает желание, чтобы русские искусствоведы и работники архивов занялись розыском ряда материалов, которые могут много дать для более полного освещения биографии Шевченко и творчества его как художника.

Место Шевченко-художника в истории нашей отечественной живописи только начинае устанавливаться. И наша задача показать Шевченко в полном его многообразии и как выходящего художника.

На трибуне один из крупнейших писателей Армении — Арази. Он передает шевченковскому пленуму слова советских писателей и всему украинскому народу пламенный привет от армянского народа. — Армянский народ, который веками боролся за свою культуру, с живейшим

интересом откликнулся на юбилей великого Тараса. В дни юбилейных торжеств в Армении прошли многолюдные вечера с докладами о творчестве Тараса Григорьевича Шевченко, с чтением его произведений в сопровождении украинской музыки. Печать, газеты и журналы посвятили многие страницы и специальные номера великому поэту. 42-я школа в Ереване и одна из улиц в Ленинкане названы именем Шевченко. Его имя присвоено также колхозу в одном из селений.

Тов. Арази говорит далее, что армянский народ впервые знакомится с великим поэтом еще 60 лет тому назад, но только теперь, в годы советской власти творчество великого украинского поэта стало достоянием широких масс армянского народа. Перевод «Кобзаря», выполненный поэтом Гегамом Сарьяном, был закончен ко дню юбилейных торжеств. Этот труд является большим вкладом в армянскую литературу.

Сегодня, — говорит Т. Арази, — в этом кругу представителей литературы нашего невольного Союза, армянский народ и армянские писатели счастливы присоединить свой голос к общему хору торжества в честь великого украинского поэта.

— К юбилею Тараса Григорьевича Шевченко, великого сына украинского народа, готовился не только азербайджанская интеллигенция, но и весь азербайджанский народ, — так начал свое выступление Т. Расул Раза.

— Когда мы проводили вечера, — говорит он, — посвященные великому поэту, то в одном из колхозов после чтения перевода «Катерины» на азербайджанском языке к докладчику подошла старая колхозница и сказала: «Этот поэт описывает почти мою жизнь. Прому вас передать ему привет и пожелать ему долгой жизни».

Это показывает, каким глубоко искренним народным чувством было воспринято произведение великого украинского поэта. И когда Расул Раза читает в переводе на азербайджанский язык отрывки из «Катерины», весь зал выражает свой восторг бурными аплодисментами.

Выступлением еврейского поэта Давида Гофштейна заканчивается утреннее заседание 6 мая.

Вечернее заседание пленума 6 мая открылось докладом И. Стебуна на тему «Шевченко и украинская литература». Доклад будет напечатан в следующем номере.

После доклада с возвонованной речью о значении Шевченко для казахской литературы выступил поэт-орденоносец — А. Таджибаев.

КАЗАХСТАН ЧТИТ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОГО ТАРАСА

— Мы, говорит Т. Таджибаев, — представители союза советских писателей возродившей Казахской республики, республике социалистической индустрии и животноводства, где во всю ширь развивается национальная культура, литература и искусство, где, как счастливые юноши, поют старики, во главе с трижды орденным Джембулом, — передаем пламенный привет нашим отцам, матерям и детям украинскому народу, народу освобожденного Прометея — Тараса Григорьевича Шевченко.

Советская литература Казахстана и ее кадры растут с каждым днем. В великую сокровищницу полнотной народной литературы Казахстана вошли песни о героях народа — Степке Разине, Пугачеве. Актеры исполняют поэму «Слово о полку Игореве», бессмертную эпопею «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. На на-

ших книжных полках рядом с великим поэтом казахского народа Абаем Кунанбаевым стоят произведения Пушкина, Шекспира, Рабле, Толстого, Гейне, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Горького. И сегодня с трибуны пленума я с величайшей гордостью могу сказать, что лучшие казахские поэты перевели на родной язык любимого поэта Шевченко. Казахский народ считает Тараса настоящим народным акымом. Читая его творения, представляешь себя, будто он, живой и бодрый, сидит в колхозе Джембула и, как старший брат, вдохновляет его на прекрасные стихи о великой родине, о великом Ленине, о великом Сталине. (Горячие аплодисменты покрывают эти слова Т. Таджибаева).

Тов. Таджибаев под дружные аплодисменты заканчивает свою речь чтением «Заповитя» на казахском языке.

ЮБИЛЕЙ ШЕВЧЕНКО В КИРГИЗИИ

От имени писателей Киргизии горячий привет родине великого Шевченко передает поэт Саткын Сасыкбаев. Он говорит об огромных достижениях, которых украинский народ добился во всех областях социалистического строительства под руководством партии большевиков, во главе с товарищем Сталиным. Эти достижения — лучшее доказательство того, что страстные мечты Шевченко о жизни без холода и без пана сбылись в стране победившего социализма, как сбылись мечты киргизского борца против угнетателей, баев, акына Тохтагула — о жизни без баев и маналов.

— Шевченко, — говорит затем Т. Сасыкбаев, — близок и дорог киргизскому народу и киргизским писателям, потому

что он в своих произведениях выражал думы и чаяния трудящихся всех наций. Мы, киргизские писатели, учимся у великого поэта — революционера-демократа Т. Г. Шевченко. Его юбилей киргизским народом был празднично отмечен.

Киргизские поэты Маликов, Токтамышев и Сасыкбаев перевели ко дню юбилея Шевченко его «Кобзарь». Во всех республиканских районных газетах и журналах печатались материалы о жизни и творчестве поэта. Выпускались специальные номера художественного журнала.

Для увековечения памяти Шевченко имя его присвоено нескольким колхозам в Чуйском, Сталинском и Иссык-Кульском районах Киргизии и средней школе № 6 в Фрунзе.

ШЕВЧЕНКО В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ

П. Котин рассказывает о местах, связанных с пребыванием Шевченко в Нижнем, о встречах и эпизодах, относящихся к этому периоду жизни поэта.

В Нижнем Шевченко познакомился с изданиями «Вольной русской печати», жадно читал «Колокол», революционную русскую литературу, восторгался произведениями Шедрина. Он посещал театр, писал рецензии на постановки. Здесь же писал он свой «Дневник» и здесь, кроме небольших стихотворений, написал «Неофиты» и «Юродивый».

В архивах гор. Горького хранятся документы исключительного интереса. В частности исследователи-шевченковеды найдут там переписку Лазаревского. После смерти Шевченко его знакомые Лазаревские забрали рукописи, вещи и картины поэта. Потомки этих Лазаревских в начале XX века бесцельно торговали реликвиями. Из личной переписки Лазаревского со скущиками достопримечательностей видно, какой позорный торг поднялся вокруг реликвий великого поэта, сколько предлагали за его портреты, за автографы и за сколько рублей они в конце концов сбывались. Например, мелочник с волосами Шевченко (он сейчас находится на Киевской выставке) был оценен в 100 рублей.

Перезоява общественности города хранится свято память о Шевченко. В советские годы интерес к поэту неимоверно возрос. В гор. Горьком широко отмечалось 125-летие со дня рождения Шевченко. На двух домах, где жил поэт, союз писателей установил мемориальные доски. На том месте над Волгой, где так любила бывать Шевченко, был устроен митинг.

Историки и литераторы обследовали архивы и часть документов опубликовали в книге, специально изданной к юбилею: «Шевченко в Нижнем-Новгороде». В этой книге напечатаны стихи и странички «Дневника», написанные в Нижнем, впервые опубликованные автографы поэта, хранящиеся в областном архиве, привезены списки вещей Шевченко, списки, составленные Лазаревским, с пометками, кому, что и за сколько продало; предложена богатая библиография писем и работ Шевченко, относящихся к нижегородскому периоду, воспоминаний о нем, опубликованных в местной печати, перечень его картин и рисунков, написанных в Новгороде.

По предложению президиума, пленум посылает приветствие сельским учителям, награжденным орденами Союза.

С докладом «Шевченко в музыке» выступил композитор Козинский. Этот доклад приобрел особый интерес благодаря музыкальной иллюстрации. Делегаты и гости пленума горячо аплодировали Государственной капелле бандуристов, «Думке» и еврейскому вокальному ансамблю «Евюканс», блестяще исполнившим несколько любимых народных песен Тараса Шевченко, мелодии которых созданы народом на текстах Шевченко, и произведений композиторов на слова великого украинского поэта.

Этим закончилось вечернее заседание 6 мая, после которого делегаты и гости пленума выехали на пароходе в Канев.

Каневская пристань празднично оживлена. К ней мчатся колхозные автомобили, танки, запряженные крепкими конями, подходят колонны колхозников со знаменами, цветами и песнями. К этой пристани пристает наш расцветший флагманский пароход.

Колхозники, чтобы встретиться со своим писателем, сходились со всей округи. Нас познакомили со школьниками, приехавшими на расвете из колхоза, находившегося в 40 километрах от Канева. Они преподнесли писателям огромные букеты душистой сирени.

И все — писатели, тысячи колхозников, сельская интеллигенция — пошли к подножию горы Черечей. Здесь открылся митинг.

— Это место, на котором мы теперь собрались, — сказал Юрий Смолч, — вот уже свыше 75 лет со дня похорон великого поэта-борца, стало священным местом украинского народа, священным местом для всех трудящихся, для всех, кто любит свободу и ищет правду.

— Если бы встал из могилы Тарас Григорьевич и взглянул с днепровского берега на широкие советские просторы, озаренные солнцем Сталинской Конституции, узнал ли бы великий мечтатель и поэт свою Украину? Узнал бы! Ведь именно о такой Украине он мечтал. Именно за такую Украину он боролся — Украину свободного труда и счастливого народа.

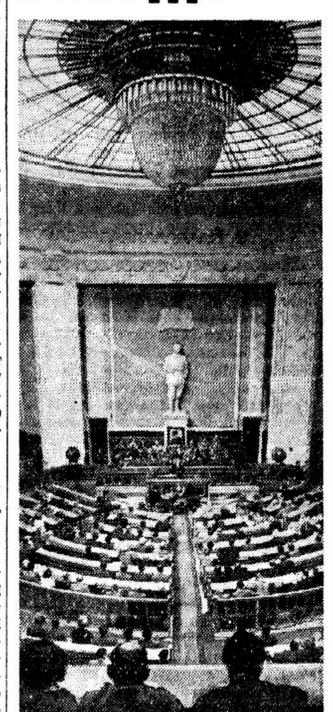
— В своем «Заповити», который мы здесь повторяем на всех языках, — говорит Корней Чуковский, — Шевченко заветным нам почитал его «добрим, тихим словом». По мы почитим его не тихим, а таким громким словом, чтобы это слово услышали и там, где произведшие великих народных поэтов не чтут, а сжигают.

— Пароход, на котором прибыли в Канев поэты сплоченных советских народов, называется «Сталинская Конституция». Чудесный пароход, надежный, вечный! Под знаменем Сталинской Конституции собрался посланцы народов Советской страны почтить того великого украинца, который в ночи паризма предвидел это нынешнее счастливое время и знал нас к нему всеми своими гениальными песнями.

Вдохновенную речь произносит на митинге колхозник с Яблонецкого тов. Носенко. Он призывает мастеров литературы и искусства наполнить каждую свою строку, каждое свое произведение таким же пламенем ненависти к врагам и безграничной любовью к народу, как делал это бессмертный Тарас.

— Шевченко ненавидел всех угнетателей. Эта священная ненависть к врагам живет и в наших сердцах, и потому нам в двойне дорог гениальный кобзарь. А если враг навязет нам войну, — говорит Т. Носенко, — мы будем биться еще злее, чем были наши предки Александр Невский и Богдан Хмельницкий. Так и вы, советские писатели, своими произведениями бейте в самое сердце врага.

Стихи о Тарасе Шевченко читали на митинге Сандро Эули (Грузия), Пятрус Бровка (Белоруссия), А. Малышко (Украина), Л. Квитко, Г. Сарьян (Армения), Д. Абитев (Казахстан), А. Безыменский и В. Лебедев-Кумач.

В зале заседаний пленума правления Союза советских писателей, посвященного 125-летию со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. (Фотокорреспондент ТАСС).

6 мая

Приседательствующий Т. Тычина представляет слово Т. Аплетину за докладом — «Шевченко и Запад».

Литературная газета

2 — № 26

ТРУД ПИСАТЕЛЯ РЕАЛИЗМ ШЕДРИНА

С. МАКАШИН

«Почтайте о Салтыкове, Глебе Успенском, о Герлене и научитесь уважать втих людей за их работу», — писал в 1910 г. Горький одному начинающему писателю. Как и все великие писатели, Щедрина был упорным тружеником литературы. Но многое в характере писательского труда Щедрина отличает его от других больших имен литературы и делает его писательский облик особенно близким нам.

В литературе 70—80-х годов Щедрина — сатирик революционной демократии — являл собой пример нового типа писателя, по сравнению с тем, какого знала старая и современная ему дворянско-буржуазная литература. Он являл пример не только замечательного художника слова, но и вожака передового направления общественной мысли, собирателя и организатора сил демократической литературы, писателя-публициста и трибуна, лишенного как черт пеховой замкнутости и узкого профессионализма, так и писательского тщеславия и субъективизма дворянской литературы.

Известно, какой исключительной и страстной привязанностью к литературе была проникнута вся деятельность Щедрина, с каким чувством ответственности нес сатирик знание литератора, предпочитая его «всякому другому». По собственному определению, «литератор до мозга костей, литератор преданный и беззаветный», Щедрина поднимался на литературно-общественной арене в ту, по словам Ленина, прокладку пору «эпопеических речей, литературного холостяка, рабского языка, идеального крепостничества», от которых «...застыло все живое и свежее на Руси». В этих трудных условиях Щедрина боролся за передовую литературу большого художественного стиля и революционного мировоззрения. Щедрина так высоко ценил литературу именно за то, что видел в ней одну из высших форм социальной практики, одно из наиболее могучих средств воспитания человека для нового социалистического общества. «Здравая традиция всякой литературы, претендующей на воспитательное значение, заключается в подготовке почвы будущего», — писал он.

В соответствии с этим находились и взгляды Щедрина на писательскую профессию. Если «высшая задача» литературы заключается в том, чтобы быть «воспитательнейшей и руководящей общественной силой в эпоху искания идеалов будущего», то ясно, какая огромная ответственность ложится на писателя — пропагандиста этих идеалов будущего, призванного воплощать их в живое, художественное слово, обязанного идти во главе общества на путях его переустройства.

Щедрина требовал от писателя высокой идейной целеустремленности, принципиальности и честности.

«С словом надобно обращаться честно», — любил повторять Щедрина, и его пример учит современных писателей непримиримости и строгой принципиальности в защите своих взглядов. От «убежденного писателя», тип которого сатирик создавал своей собственной практикой, Щедрина требовал также умения активно участвовать в практике общественной жизни. Органически ненавидя пассивное отношение к жизни и творчеству, он призывал писателя «неустанно и зорко следить за всеми бичами современности». «Щедрина шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее...» — отмечал Горький.

Эти черты писательского облика Щедрина, такие близкие нашей современности, определяли и всю культуру его литературного труда.

Писательство для Щедрина — это его трудовое дело каждого дня. «Я — литератор действующий», — говорил он о себе, — я труженик, обязанный держать в руке перо ежеминутно». Работоспособность его была исключительной, и уже этот один его резко отличал от большинства современных ему писателей. Так, за один лишь 1863 год он написал и напечатал в «Современнике» около 40 листов, т. е. в среднем по 3 листа в месяц.

Работать Щедрина умел помногу, систематично, быстро, иногда без черновиков, сразу выписывая задуманное в рукопись. Он говорил про себя: «Я — рабочий человек». Литературной работы Щедрина не прекращал почти ни на один день, даже во время своих заграничных лечебных поездок. Такая непрерывная и длительная, на протяжении десятков лет, напряженная литературная работа требовала тем большей затраты внутренних сил, что в писательстве Щедрина не было и тени резко-безразличного отношения к предмету работы. Подобно Некрасову, Щедрина мог сказать, что «стихотца не брались за перо с мыслью, чтобы такое написать, ил или бы что написать». Он не знал холодных, «нейтральных» сюжетов, рав-

ношения к теме, писал всегда с величайшей страстью и сам говорил про себя: «Клянуся, — в ту минуту, когда я почувствую, что внутренности во мне не дрожат больше, — кину перо, хоть бы пришлось умереть».

Сознательно поднимая весь свой писательский труд определенным социально-политическим задачам («я, благодаря моему содействию, могу каждое свое сочинение объяснить, против чего оно направлено»), Щедрина высунул цель своей деятельности писателя видеть в умениях и талантах писателя своим словом художника и публициста в окружающую действительность, творить в ней конкретное дело. Отсюда же вытекала «оперативность» в распоряжении своими писательскими ресурсами, которой не знал ни один другой русский писатель, за исключением, быть может, одного Горького. Одной из характернейших черт творческого процесса и писательской работы Щедрина являлось, например, то, что он всегда был занят не одним произведением, а несколькими одновременно, иногда совсем различного масштаба и жанра.

Широта его творческого размаха удивительна. Работая в 1869—70 гг. над «Историей одного города» — над этим шедевром мировой сатирической литературы, потребованной огромной и сосредоточенной затратой творческой энергии, — Щедрина одновременно начал печатание двух больших циклов — «Для детей» (оставшая незавершенной) и «Господа ташкентцы», продолжая печатание двух других ранее начатых крупных произведений — «Признаки времени» и цикл «Письма из провинции», и, наконец, написал за этот же промежуток времени шесть больших публицистических статей и около десяти рецензий.

В выборе тем своих произведений Щедрина был всегда самостоятелен и оригинален. Творческие замыслы его возникали органически из самой гущи современных политических вопросов и фактов, которыми он умел, по выражению Белоголова, «прикинуться до корней волос». Обдумывание темы очередной работы сопровождалось у Щедрина напряженной деятельностью мысли, по внешне это почти никак не фиксировалось. Щедрина не пренебрегал для этой цели ни к «дневникам», подобно Толстому, ни к «записным книжкам», подобно Чехову. Предварительно размышлял с пером в руке он вообще не любил и не умел, и его рукописи, за немногими исключениями, не содержат на своих полях никаких отступлений в сторону от выполняемого прямого задания, никаких посторонних записей, конспектов, набросков и планов будущих замыслов.

Работа Щедрина над рукописями не отличалась той чрезмерной сложностью, какая характерна, например, для Толстого. Но это не значит, что Щедрина не работал упорно над формой, не стремился отделять тексты самым тщательным образом. Наоборот, он был неутомимым правдивым, и многие черновые рукописи его произведений представляли собой сплошную паутину вставок и зачеркиваний. По свидетельству Кривенко, «сказка «Касель» была в трех редакциях; над этой крошечной сказкою Салтыков долго сидел». В архиве Щедрина сохранилось пять рукописных редакций небольшой сказки «О ретивом начальнике» (из «Современной идиллии»).

Щедрина не только не ждал какого-то особого «своих» для своего писательского труда, но как будто даже боял-

ся его. Вся свою творческую работу, на всех ее этапах он направлял и контролировал путем сознательных, целенаправленных усилий и всегда отдавал себе ясный отчет в любом приеме работы. Критикуя молодых писателей своего журнала, он говорил, что «у них чувствуется недостаток серьезного образования, и они творят, слишком полагаясь на вдохновение, на свой талант, не сознавая даже необходимости и пользы большей систематичности и расширения знаний». Сам Щедрина обладал широким общим литературным и политическим образованием, неустанно пополняя его всю жизнь и непрерывным усвоением серьезного писательского труда считал «необходимостью стоять на одном уровне с изображаемым предметом... необходимостью дойти до этого уровня путем личной серьезной подготовки».

Писательский труд Щедрина был огромным и сложным расходом сил, тем более удивительным, что последние пятнадцать-двадцать лет своей жизни он жил среди физических недугов, часто в невыносимых мучениях. Но именно за эти годы им созданы наиболее зрелые произведения, в том числе «Сказки» и «Пошехонская старина».

Сильная и ясная мысль, яркость таланта, воля к работе и добросовестность не покидали Щедрина до конца его дней. И когда болезнь превращала писательский труд в мучительную физическую и нравственную пытку, Щедрина огромным усилием принуждал себя к нему. «Нельзя мне не писать, покуда публика этого требует», — писал он Михайловскому в 1887 г. «И пишу почти насильно и с явным упором и все-таки пишу... По крайней мере умру на месте битый».

Местом напряженной упорной битвы был весь многолетний писательский путь великого сатирика.

Сравняя Салтыкова-Щедрина с Гоголем, М. Горький услышал в смехе автора «Истории одного города» «нечто гораздо более огульно-правдивое, более глубокое и могучее... Мы знаем, как умел смеяться Горький Гоголю; тем не менее эти смелые, ответственные слова были сказаны классиком советской литературы. Чем же объясняется подобное признание превосходства щедринаского смеха?

Ответ на этот вопрос нужно искать в том качестве новизны по отношению ко всей русской литературе дворянского периода, которое характерно для щедрина сатиры. Вместе с Некрасовым Салтыков знаменует новый ее период, когда литература стала удовлетворять запросы читателя-разночинца, пришедшего снизу, более тесно связанного с народной массой.

«Новые люди» принесли с собой темы, чрезвычайно расширяли компетенцию литературы, а новые темы требовали новых форм и способов разработки. Необходимо было развить новый тип, более последовательный, чем критический реализм. Это откровенное Горьким понятие охватывает тех писателей, которые умели «облачать нравный, личинный, отрицательный порядок жизни», но не представляли себе общества, не разделенного на классы. Как ни гениальны некоторые из этих писателей, все же при непонимании самых основ современного им социального строя обличение не может не быть в известной мере ограниченным.

Этих пределов не знает реализм революционных просветителей 60-х годов, проникнутый, говоря словами Ленина о Чернышевском и Добролюбовых, «мушкетерским демократизмом».

Рассматривая действительность с точки зрения угнетенного народа, художник нового типа ставит вопрос: чего стоят жизненные беды тому, кто создает их, и тому, кто пользуется ими? За товаром, который превращается в человеческий труд, революционно-демократический писатель видит этот труд с его потом и кровью.

А. ЛАВРЕЦКИЙ

Эта позиция определяет характер нового реализма при изображении всех слоев современного общества: и «шпиона и кормыльщика русской земли» — русского мужика — и тех, кого он поит и кормит.

Революционно-демократический реализм по самой своей социальной природе не может быть созерцательным. Это — реализм воинствующий, который вскрывает всю фальшь враждебной идеологии, оправдывающей существующий порядок вещей, всю фальшь охранительного искусства, прикрывающего действительность.

Черты нового реализма, пропущенного «мушкетерским демократизмом», сказались уже достаточно ясно в «Губернских очерках» Щедрина, где все отдельные факты административного произвола, чиновничьего грабежа изображены как неизбежное следствие крепостнической системы.

В форме бытового очерка Щедрина создавал здесь социальную сатиру, которая поражала резким противопоставлением вымысла и фактов общественной действительности. Все художественные средства Щедрина мобилирует против помещиков и бюрократии в защиту народной массы, до него триумфовавшего дворянской сатирой. Элементы стили, служившие целям идеализации господствующего класса, использованы так, что выражают по отношению к нему иронию или сарказм.

Надо отметить еще одну черту щедринаского реализма, выходящую в дальнейшем его развитии: единство предельной общности с конкретной актуальностью.

Такая особенность требовала соответствующей формы. Эта форма — цикл очерков. В ней как бы синтезируются «теория» и «практика»: щедринаского реалистического стиля: быстрота реакции писателя-борца на действительность и глубокое ее познание.

Великую борьбу сразу по всему фронту, Щедрина пишет одновременно несколько циклов, но они связаны между собой так же, как связаны разные стороны охватываемой ими действительности.

Он продолжает друг друга, подчас разрабатывает одну и ту же тему с изменениями, которые вносит в нее жизнь. В разных циклах встречаются, иногда под разными именами, одни и те же типы, эволюционирующие вместе с самой действительностью (Живновские, Кропиковы, Молчалины, Подхалимовы и др.).

Отличаясь в своих сатирических циклах на явления текущей жизни, даже «забыты дни», Щедрина углубляется в извращенную психику и уродливые взаимоотношения людей своего времени, доходя часто до самых основ всякого собственного общества.

Идем дальше за пределы не только дня, но и всей его эпохи, он вычлывает в самой конкретной действительности, за изменение которой борется.

Если «мушкетерским демократизмом» придавал эту необычайную конкретность щедрина сатиры, то способность осмыслить жизненные явления, силу сокрушительной критики Щедрина черпает из своего положительного идеала. Эта сила дава чувством будущего, представлением о новом человеке, освобожденном от всяких видов эксплуатации, — не только помещичьей, но и буржуазной.

Когда гнусная действительность буржуазно-помещичьего общества рассматривается в свете такого идеала, отрицание ее приобретает особую глубину.

Положительный идеал Щедрина нашел в утопическом социализме. Сознание его слабые стороны, Щедрина берет его зоркое зерно, идею полноты свободных, «нормальных» общественных отношений. Эта идея кажется «смешной, пошлой, почти что дикой» в мире буржуазно-дворянского, утратившем «все инстинкты здоровья, незапятнанной жизни». Но искусство революционно-демократического реализма будило эти инстинкты, показывало в свете великого социалистического идеала всю неестественность и дикость того, что казалось нормальным, естественным. При

сопоставлении с будущим становилось смешным до гротеска настоящее старое общество.

Только при таком сопоставлении выясняется смысл щедрина сатиры с ее грандиозными, лишенными мозга, с ее фантазиями «прямой линии», стремившимися во что бы то ни стало остановить движение жизни. Щедрина был полон видения этого нового, освобожденного мира, и потому столь сильно потрясло его уродство современной ему жизни.

Таковы принципы щедринаского реализма, в котором «мушкетерский демократизм» соединяется с идеей социализма, правды, еще утопического, но углубленного и осмысливающего изображение действительности.

Пределы буржуазного общества не являются для Щедрина фатальной, запредельной границей, и потому реализм его сатиры следует отличать от критического реализма.

Сатирик твердо знает, что и помещики, и те, кто им унаследует, сойдут под конец в общую могилу. Их конец неизбежен, но он не придет сам собой. Реализм Щедрина включает в свое представление о социальной закономерности также силу человеческого гения, героизма, энтузиазма, ускоряющую действие других исторических сил и вносящую в них новые качества.

Далекий от фатализма, реализм Щедрина не может не ставить перед искусством социально-воспитательных задач. Это — задачи превращения «толпы» в сознательный творческий коллектив, сплоченный единством цели.

Подчинить этой цели стихию, внести в действия людей разумную, целенаправленную преисправленность, сделать так, чтобы все поднимавшее в человеке чувство достоинства и самоуважения не оставалось бы случайным, изолированным, а было бы осознано массой. — Вот как мыслит Щедрина воспитательные задачи искусства. И только реалистическое искусство способно их выполнять, потому что у подлинного реалиста идеал вырастает из самой действительности, а не навязывается ей.

Реалистическое искусство должно воссоздать положительный образ человека, освобожденного от всего извращенного в него веками неволи, способствующий освобождению от ее проклятого наследия.

Предъявляя искусству такие требования, Щедрина выходил уже за пределы своего времени.

Нельзя создать образ положительного героя во всей его реалистической конкретности, когда неведомы еще пути к осуществлению амраемого им идеала.

Во времена Щедрина те художники, мысль которых не была ограничена горизонтом буржуазно-помещичьего общества, не могли еще с достаточной полнотой реалистически выразить свой идеал в положительной форме. Однако, если не прямо, то косвенно им удавалось передать его своим читателям, изображая то, что было ему противоположно. В этом смысле революционно-демократическая сатира являлась наиболее подлинной жагрой для пропаганды социалистического идеала и для хотя бы частичного осуществления тенденций щедринаского реализма.

Методы этой сатиры характеризуются тем, что она показывает неизбежные последствия старого порядка жизни. Если «составленный человеческий образ» — «образ будущего человека» — и не был доступен реалистическому изображению, то «будущие судьбы» старого общества и старого человека были раскрыты Щедрина во всей противуположности мира распада миру созидания.

В лучших произведениях Щедрина — в «Истории одного города», в «Господах Головлевых», «Современной идиллии» этот метод применен с громадным успехом. Показывая разные виды извращения «человеческого естества» в главном мире, Щедрина внедряет в читателя мысль о необходимости и естественности для человека этих, разумных общественных отношений.

Чтобы заклеймить и вывезти с предельной яркостью то, что составляет сущность старого общества, его враждебность человечности, реализм Щедрина включает в себя своеобразную фантастику.

Но «фантастическое» сегодня оказывается реальным завтра. Достаточно указать на образы «помпадуров», казавшиеся вначале чрезмерными превращениями, но скоро повторенные жизнью с необычайной точностью.

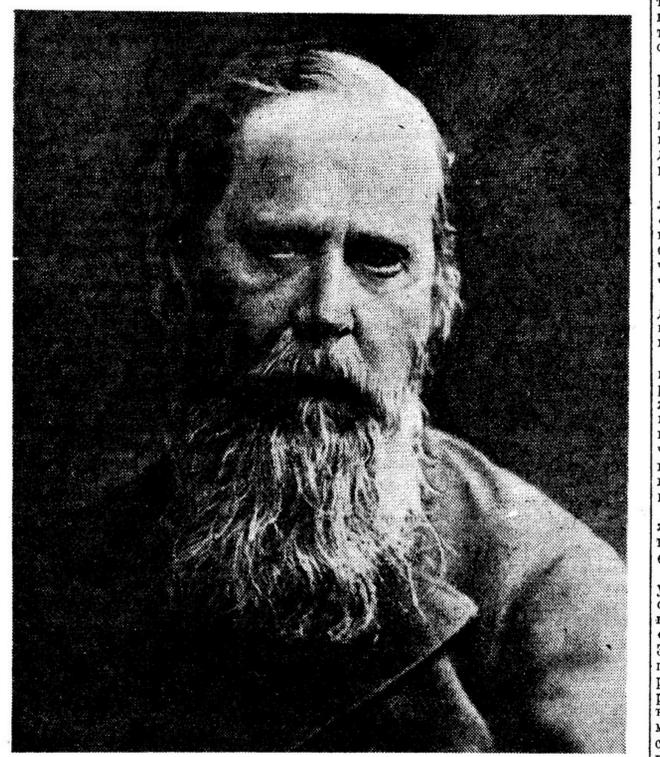
Реализм Щедрина — реализм предвидения еще в том смысле, что созданные им образы мы узнаем и за пределами той эпохи, в которой они были созданы. «Ретивыми начальниками» всякого рода, Утром-Бурчевыми обернулись за нашими рубежами делегирующие буржуазия, Иудушки, Балабайкины характерны для ее агентов.

Великие мастера искусства предвидения, классики творческого марксизма — Ленин и Сталин — неоднократно применяли образы сатирика, как боевое оружие, указывая тем самым на эту особенность щедринаского реализма.

О РОССИИ И РУССКОМ НАРОДЕ

ВЫСКАЗЫВАНИЯ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
Я еще застал людей, у которых в живых памяти были события 1812-го года и которые рассказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принесли спасение. Но не в таких торжественных моментах я здесь говорю, а именно о тех буднях, когда для усиления чувства нет повода. По моему мнению, и в торжественные дни, и в будни идея отечества одинаково должна быть присутствовать в нас.
«ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА»

Русский человек способен быть действительным героем, но это не выплывает из его груди и не заставляет тарашить глаза. Он смотрит на героизм без папинобратства и очевидным понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции. Напротив, русский человек должен быть в состоянии сознательно начинать, в герою, раз ему возмужал на Королевской площади памятник, то он обязывается с честью носить это звание не только на улицах, но и в садах Орфеума.
«ЗА РУБЕЖОМ»

Неопубликованный портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ВЕЛИКИМИ КРИТИКАМИ

В. ВЛАДИМИРОВ

В 1873 году, посылая Марксу сочинения Щедрина, Н. Даниэльсон рекомендовал ему русского сатирика, как «единственного уцелевшего умуго представителя литературного кружка Добролюбовых». В своем деле, после того, как солихи с общественной речью великие деятели 60-х годов Добролюбов и Чернышевские, Щедрина остался единственным надежным хранителем их заветов, крупнейшим представителем революционно-демократической мысли в России.

Деятельность Щедрина как писателя-сатирика являлась блестящим художественным выражением и оправданием литературных принципов революционно-демократической критики. Но деятельность Щедрина как критика, выступления которого по вопросам современной литературы и теперь поражают читателя глубиной анализа, силой мысли, политической остротой и непримиримостью, только в самые последние годы сделались объектом изучения советских исследователей. Теперь мы имеем все основания для того, чтобы поставить имя Щедрина в одном ряду с именами крупнейших представителей русской критики.

В годы общественной реакции, расцвета антинародных и псевдореалистических течений Щедрина стоял во главе передовой русской литературы. Борьба Щедрина с реакционной беллетристкой, его выступление с защитой и обоснованием принципов новой революционной литературы, его работа над воспитанием читательского вкуса достойны его великих предшественников в области критики.

В своей критической деятельности Щедрина, вслед за Добролюбовым и Чернышевским, исходил прежде всего из признания огромного значения литературы, как мощного средства воспитательного воздействия на массы и орудия переустройства общества. «Литература и пропаганда — одно и то же», — утверждал великий сатирик. Он резко осуждал литературу, которая «...вместо того, чтобы пробуждать общество, ищет усыпить его». Щедрина боролся за литературу, основанную на правдивом изображении жизни, проникнутую глубоким пониманием нужд общества и сочувствием народу. При этом литература должна выражать не только «наступные потребности общества», но и те, еще не до конца созревшие стремления, которые «должны определить будущую его физиономию».

Замечательной чертой критических взглядов Щедрина является их ориентированность в будущее. Как подлинный революционер и нопатор, он в своих теоретических суждениях учитывает прежде всего перспективы развития общества и литературы. По мысли Щедрина, destino и

умный художник, представитель новой демократической литературы, не может ограничиться восприятием настоящего; «литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека». В этом заключается «высшая» задача литературы.

В соответствии с этим Щедрина развертывал свою программу революционно-демократической литературы, провозглашая ее основными принципами — реализм, идеальность и революционную тенденцию.

Щедрина истинно бивал натуралистическое копирование действительности и холодное, безразличное отношение писателя к своему материалу. Произведения самого сатирика были всегда насыщены революционной страстью, освещены ясной мыслью. Этим качеств он требовал и от литературы вообще, считая осознанную политическую направленность произведения, четкость его идейного замысла непременным условием настоящего искусства. «Неясность мирозероания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю... Без ясно сознанный идеи художественное произведение является обломом случайностей».

Расшиняя с этой точки зрения стихи и прозу Полонского, Щедрина объяснял их художественную слабость отсутствием революционной тенденции, отсутствием творческого горения у этого писателя.

Оставшая революционно-демократическая концепция реализма в искусстве, Щедрина связывает на величайших писателей мира, которых «...всегда полагали в основу своих произведений действительные стремления и нужды человечества и, сверх того, умели с полною ясностью определить свои отношения к этим стремлениям и нуждам...» («Дон-Кихот», «Няйтэд Гаральд», «Фауст», «Райбойки») — все это произведения в высшей степени тенденциозные...»

Так, опираясь на опыт мировой литературы, подыскивая в ней то, что принадлежит будущему, — не прогрессивные гуманистические тенденции, Щедрина помогал образовать новую демократическую литературу. Он выявлял перед нем, как орудия положительного характера, который отразил бы глубокие сдвиги в русской жизни — появление в ней «новых людей». Сам Щедрина метал написать произведение на положительном материале из русской жизни; из одного письма его 70-х годов видно, что героем такого

произведения должен был явиться революционер типа Петрашевского или Чернышевского.

Уровней обличитель буржуазно-помещичьего общества, Щедрина оставался непримиримым борцом и в своих литературных оценках. С величайшей страстью он восставал против лжи и фальши в искусстве, со всей силой своего сатирического дарования обрушивался на реакционных беллетристов.

Осенью 1875 года у Тургенева в Буживале граф Соллогуб прочел в присутствии Щедрина свою новую комедию; молодое поколение в этой комедии, по словам Тургенева, было поругано «на тем свет стоит». Возмущенный Щедрина не было прелюдией. В то время как другие слушатели говорили вялые комплименты автору, Щедрина прямо выразил свое негодование. Тургенева писал об этом: «Салтыков взбесился, обругал его [Соллогуба], да чуть с ног не свалился от волнения; я думаю, что с ним удар сделается... Он мне напомнил Белинского...» Сам Щедрина рассказывал Пашеву: «Я имел удовольствие слушать у Тургенева новую комедию графа Соллогуба, такую пошлость и подлость, что со мной сделалось что-то вроде истерии, и я не помню сам, что я наговорил этому суккину сыну».

Здесь перед нами весь Щедрина. Эпизод с комедией Соллогуба раскрывает не только личность писателя во всей ее нравственной красоте, но и его отношение к литературе. Тургенева недаром вспоминал о Белинском и сравнил с ним великого сатирика: прямота, честность и мужество роятся Щедрина с другими лучшими людьми русского народа.

Статьи Щедрина о литературе написаны не только пронзительным критиком, но и остроумным, злым сатириком. Один его работ, несомненно теоретический характер («Написанные описания», «Утренняя философия» и др.), следует отнести к числу вершин русской критики; это подлинно гениальный литературный анализ. Другим его выступлениями — отклики на конкретные явления литературы — сочетает глубину анализа с блестящим сатирическим разоблачением противника.

Так, критикуя эстетизм дворянской «сальтыковской» поэзии, Щедрина с неумолимой последовательностью вскрывает классовые основы «чистой» лирики и ее мнимую «чуждость» для жизни. Щедрина связывает лирику Фета с его реакционной публицистикой, показывая их взаимную обусловленность. С уничтожающим сарказ-

мом Щедрина характеризует крепостника Фета, сочетающего нежнейшую личность в стихах с бесчеловечным отношением к крестьянам: «... Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романы, отчасти человеконенавистничает, сперва напишет роман, потом пошлет роман в печать и отдаст поповскому вестничку». Нынешние романы его уже не носят того характера светлой безмятежности, которым отличалась фетовская муза в крепостной период; напротив того, от них веет грустью, в них слышится вопль души по утраченному крепостному раю».

Литературные приговоры Щедрина смелы и беспощадны. Щедрина, как художник и как критик, был смел, честен, суров и никогда не замалчивал правды, как бы она ни была прискорбна (Горький). Его статьи насыщены мыслью, они производят горячую любовь к литературе, страстной ненавистью к тем, кто профанирует и опошляет ее высокое назначение. Каждая строка в этих статьях звучна и полновесна, пощедрински ярка.

Но самым драгоценным качеством Щедрина-критика является глубокая народность его писания, стремление подчинять всю свою деятельность народным интересам, стремление проверить значимость того или иного общественного явления с точки зрения пользы, принесенной им народу. С этой точки зрения показатель щедрина некролог Тургенева, где, подводя итоги деятельности писателя, Щедрина говорит: «мы невольно спрашиваем себя: что сделал Тургенева для русского народа, в смысле протонародья? — и не обинуясь отвечаем: несомненно сделал очень многое и посредством, и непосредственно».

Однако Щедрина знал, что в рабском обществе народ еще живет в темноте и невежестве; это сознание приносило ему много страданий великому сатирику, который только в народе мечтал найти своего внимательного «читателя-друга». И Щедрина с горечью восклицал: «Но знает ли русский народ о Тургенева? знает ли он о Пушкине, о Гоголе? знает ли о тех легионах менее знаменитых тружеников, чьих сердца истекают кровью ради него?»

Сам Щедрина был великим тружеником, сердце которого истекло кровью ради народа. И теперь, когда прошло 50 лет со дня смерти сатирика, когда революция открыла новую эпоху в жизни народа, мы можем с полным правом сказать: да, русский народ знает и любит Щедрина, Гоголя, Пушкина и других великих людей, мечтавших о счастливом будущем для своего народа и своей действительностью упорношью его вечную славу.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ГРУЗИИ О ВЕЛИКОМ САТИРИКЕ

В. ИМЕДАДЗЕ

Салтыков-Щедрин, его творчество, деятельность и борьба были особенно понятны, близки, любимы и ценны прогрессивной Грузии, ибо для всех честных патриотов Грузии, борющихся за социальное и национальное освобождение своей родины, мечтающих о лучшей доле своего народа, Щедрин являлся великим учителем жизни, незаменимым сильнейшим союзником в борьбе с врагами своей родины.

Чувство искреннего обожания, глубокой благодарности, неподдельной любви, страстного поклонения, бесконечного уважения, которые питали к величайшему мастеру-сатирику, писателю-гражданину передовые круги грузинского общества, были ярко продемонстрированы в дни смерти Салтыкова-Щедрина.

В то время (1889 г.) на грузинском языке выходила одна единственная газета «Иверия», редактором которой состоял великий писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе.

И вот газета, орган национально-освободительного движения в Грузии, руководимая Илья Чавчавадзе, помещает две специальные передовые статьи, посвященные Салтыкову-Щедрину. Один этот факт — многозначителен и характерен. Одна передовица написана 29 апреля 1889 г. под свежим впечатлением известия о смерти Салтыкова-Щедрина: «Телеграф принес чрезвычайно горестную весть — о смерти славного Щедрина, — пишет газета, — потеря его велика, и тяжела утрата для всей России. Каждое его произведение было сокровищем в литературе, одиноким бриллиантом, выделялось среди других писаний, переходило из рук в руки, бралось наизусть, изучалось и удивляло своих поклонников, почитателей своей несравненной ценности. Будило, обостряло мысль, сердце и разум страны то жесткой нахмушкой горькой сатиры, то смехом, который был горем слез».

Он бичевал, травил, разоблачал то, что не было достойно жить, то, что носило на себе отпечаток беззакония, бесчеловечности, несправедливости и бесчестия».

Вторая передовая статья, помещенная 8 мая, еще более значительна. «Щедрин был дорог и любим для литературы не только своими великолепными сочинениями, но и своей нравственной стойкостью, мужеством и верностью — преданностью литературе».

В чем сила, могущество Щедрина? — ставит вопрос газета и отвечает: «Щедрин был тем писателем, который вечно боролся, всегда замечая всякую подлость и зло, которые меняли то окраску, то одеяние. Зоркий глаз Щедрина никогда не пропустил ни одного такого случая, и он всегда храбро бросался в атаку против них. Таким образом Щедрин вскрыл и разоблачил много гнусностей, зла, гнетущей, поражающей силы. Тяжело хлестал своим бичом он эту силу и тем оказал великую услугу своему отечеству».

С огромным удовлетворением, полная чувства гордости великим сыном русского народа, газета Чавчавадзе заключает: литература была для Щедрина главным средством служения родине. Перед смертью он оставил своему сыну следующий завет: больше всего любил литературу, имя и звание писателя не менял ни на что. «Лучше этого завещания не сможет оставить ни один писатель ни своему сыну, ни другим писателям», говорит восторженно «Иверия».

В 1889 г. в Тбилиси выходила газета на русском языке «Новое обозрение», редактором которой был выдающийся грузинский публицист и общественный деятель Никто Николаев — бывший в свое время близким другом Н. Чернышевского; главным сотрудником газеты был видный грузинский журналист Илья Бахтадзе. И вот друг Чернышевского — Николаев и восторженный почитатель Салтыкова-Щедрина — Бахтадзе уделяют в своей газете огромное внимание памяти умершего писателя. Начиная с конца апреля до середины мая, почти в течение двух недель, газета дает обширные материалы о великом русском писателе, а 9 мая (в № 1854) два своих номера — «Обзор печати» и

«Русская жизнь» — газета целиком посвящает Щедрина. — это занимает всю 3-ю страницу и часть 2-й и 4-й страниц.

В газете приводятся многочисленные выдержки всей прогрессивной общины и специальной печати о писателе, отклики различных общественных слоев на смерть «знаменосца прогрессивной части русской литературы», которой «каждый его фельетон и рассказ давал программу и направление».

В газете приводится справедливое мнение некоторых критиков о том, что ряд произведений Салтыкова достиг такой общечеловеческой высоты, что их без малейших преувеличений можно поставить в одном ряду бессмертных памятников сатиры: «Похлада гнусности» Эрама или «Дон-Кихот» Сервантеса.

Газета «Новое обозрение» с негодованием отмечает, что, как и следовало предполагать, имело место выступление черносотенных газет против светлой памяти великого гения сатиры. «Мы ждали, — пишет газета, — что наряду с голосом женой русской души где-нибудь да послышится и хрюканье знаменитой благодаря Щедрину «торжествующей свиньи», по-явится где-нибудь и слова Пуаншю... На это ведь не нужно ни просвещения, ни ума, ни чести, ни совести, ни любви к правде. Господа Головлевы злобы, мелки, всегда полны злобы и фансибейства».

Любовь и тщательность, с которой газета печатала материалы о великом писателе-гражданине, борце, — показатель того высокого его почитания и оценки, что было характерно для передовых слоев грузинского общества.

Совершенно исключительное значение имеет для показа любви и преданности передовых грузинских рабочих к памяти Щедрина замечательное коллективное письмо тифлисских рабочих вдове писателя.

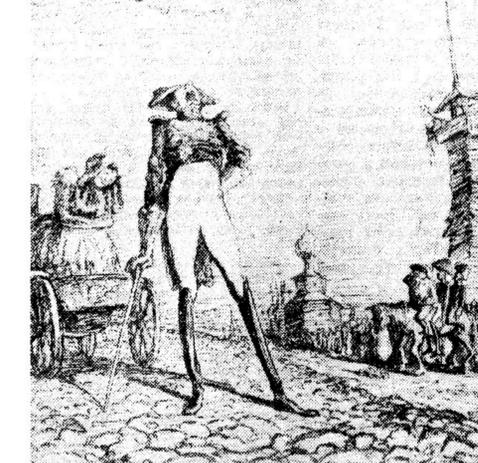
«Смерть Михаила Евграфовича опечалила всех искренне желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке».

Рабочие пишут, что из произведений писателя им особенно нравятся бесподобные, гениальные сказки Щедрина «Караус-идеалист», «Бонга», «Христовна ночь» и др., и надо сказать, что эта оценка сказок Щедрина делает честь начинающим читателям из тифлисских рабочих.

Заключительные слова письма полны такой горячей любви к писателю-гражданину, дышат таким благородством и верой в будущее, что их надо привести полностью: «За его любовь к нам и ко всему честному и справедливому, мы посылаем ему свое искреннее прощальное слово, и как человека с благородной любящей душой, друга угнетенных, борца за свободу, прощаем его глубокой грустью. Не услышав нам больше его доброе, смелое слово, но дух его всегда будет жить между нами, в его бессмертных рассказах, будет обходить нас на хорошее общее дело, на борьбу против зла, угнетения и на поиски правды и света. И на могиле великого родного писателя, в вене славы, воздвигнутом потомством, будет и наш цветок, пусть вянет и знают, что мы, рабочие, любимы и ценны его».

Всю свою долгую жизнь и деятельность, полную борьбы и поисков счастья для трудового человека, великий художник-борец искал своего близкого, родного читателя из народа. Он страстно, нетерпеливо ждал его прихода. И вот, оказавшись, такой новый читатель из трудящихся уже народился и полным голосом дал о себе знать из далекой Грузии.

Салтыков-Щедрин — великий русский писатель — любимейший писатель всех народов многонационального свободного, счастливого Советского Союза.

Рисунки Кунрыникова и произведения Салтыкова-Щедрина. Слева — к «Истории одного города». Справа — к «Сказке о ретивом начальнике».

«Несчастье в Порхове»

Неопубликованная статья
М. Е. Салтыкова-Щедрина

Автору настоящих строк посчастливилось разыскать одну из предзаключительных «Современника», но не пропущенных цензурой статей Щедрина, о которой до сих пор ничего не было известно. Это довольно большая (около 43 000 печ. знаков) статья, озаглавленная «Несчастье в Порхове» и подписанная псевдонимом «В. Торшес».

Принадлежность статьи Щедрина устанавливается на том основании, что значительная часть ее (всего почти середина) дословно повторена в статье Щедрина «Известия из Полтавской губернии», напечатанной в № 1—2 «Современника» за 1863 г.

Дело, очевидно, происходило так: «Несчастье в Порхове» или вовсе было запрещено, или в такой мере изуродовано цензурой, что Щедрина ничего не оставалось, как написать новую статью, использовав остатки старой. В результате из «Несчастья в Порхове» возникло «Известие из Полтавской губернии».

Сопоставляя эти статьи, нельзя не прийти к заключению, что «Несчастье в Порхове» значительно острее по своему социальному смыслу. Это естественно, поскольку в «Известии» Щедрин вынужден был постоянно оглядываться на цензуру, только что расправившуюся с «Несчастьем в Порхове».

«Несчастье в Порхове» писалось в период, когда политическая атмосфера в России была чрезвычайно напряженной. В обстановке общественного подъема события, быть может, не очень значительные по существу, приобретали широкий резонанс. «Несчастье в Порхове» начинается с рассказа об одном таком событии (этот рассказ заимствован из корреспонденции, напечатанной в № 25 журнала «Мировой посредник» за 1862 г.).

Грустная реакция настроенных порховских дворян, до крайности раздраженных против местного мирового посредника Володимирова, который не желал палать под дудку оголтелых крепостников, подвергла его глубокому изумлению на багу в «дворянском доме». Факт этой возмущительной расправы дал повод автору «Несчастья в Порхове» в очень резкой форме высказать свои антикрепостнические и антидворянские взгляды.

Вот те из рассуждений его на этот счет, которые, очевидно, и послужили основной причиной цензурной репрессии против

«Несчастья в Порхове» (цитирую по корректуре, сохранившейся в рукописном отделе Института литературы Академии наук СССР):

«Таков факт. Почтенный корреспондент находит его диким и постыдным, и надеется, что г. мировой посредник Володимиров примет в соображение эти свойства факта и не прекратит своей полезной деятельности».

Мы с своей стороны также находим поступок порховских наездников и диким и постыдным, и также не видим в нем ничего обидного для г. Володимирова».

«Кто эти люди, которые дерутся?»

Обращаясь к рассказу почтенного корреспондента «Мирового посредника», мы явным образом, что драку порховских «люди старых порядков»; следовательно, это были крепостники. Но для того, чтобы быть крепостником до такой степени, чтобы — ринуться защищать упрямое право с помощью кулака, необходимо, чтобы человек, как сказать, власть принадлежала этим правом... Очевидно, это возможно лишь при помощи договоренности и пристальной практики, и притом для тех только, кто не томо семяная, все, но и жатву не один раз сменял. Все говорит здесь о долготелом и благодушном житии, все свидетельствует о старой, глубоко укоренившейся привычке».

Таким образом, делается ясно, что крепостниками пытками, ретроградными пламенными могут быть только отцы; а также, что и дрались по поводу крепостного права могли только отцы».

Это делается еще яснее, если мы примем в соображение, что для отцов такое понятие не составляет даже ничего нового, что оно служит лишь продолжением старой традиции, гнездившейся в самом сердце крепостного права. Для того, чтобы драться так,

как дрались порховские наездники, т. е. в продолжение полутора часов, и до такой степени, что «на другой день в зале были еще видны кровавые пятна», надобно иметь многое. Тут надо знать и теорию, и практику драки, надо иметь драку в крови, драку в мозгах. Ничем этим молодое поколение не обладает, да и обладать не может, по той простой причине, что не удалось ни наследиться, ни наглядаться на тот порядок, в основании которого лежит драка.

Итак, первый вопрос решен: в Порхове дрались отцы, дрался Павел Кирсанов, позавыл, что в пылу драки могут смеяться раздуренные и тщательное расправленные его усы; дрался Николай Кирсанов, позавыл, что в пылу драки он может повредить ту самую руку, посредством которой извлекаются тихие и сладостные звуки из прекрасного виолончелья».

В заключительной части статьи Щедрина ставит вопрос: «какого рода почтенный пример в будущем можно извлечь из «Порховской истории» — и отвечает на него следующей фразой: «И вот же корреспонденция журнала «Мировой посредник»: «Худой пример поезде вы, господа: вы беретесь за плеть, а что, если глядя на вас и подражая вам, другие возьмутся за обух?»

Итак, мы доказали, что здесь содержится явный намек на возможность крестьянской революции. Писатель как бы хочет сказать, что «дворянская плеть» не одолеть крестьянского «обуха». Кому не известна народная поговорка: «Шлепью обуха не перешибешь?»

Показательно, что в том же номере «Современника» есть еще одна щедрина статья, где в юрисдикционной форме, но с достаточной определенностью высказывается вера в победу надвигающейся революции. Я имею в виду очерк «Для детского чтения». Обращаясь к барским детям, Салтыков предупреждает их о «скоро» приходе «буки», который не только «всех советников оставит без призора», но «и всех вице-губернаторов упреждает за ненадобность».

Образ «обуха» и «плети» возбудит, очевидно, большие опасения в цензуре, чем образ «буки», и не прошел через цензурные фильтры. Однако социальный смысл этих образов один и тот же. Новозыбленная статья Щедрина дает интересный материал для характеристики его общественных взглядов в 60-е годы.

В. ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ.

Новые биографические материалы

К пятидесятилетию со дня смерти Щедрина Калининское областное литературное издательство выпустило книгу Н. Журавлева «М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии».

Тверская губерния — родина сатирика. Здесь, в селе Спас-Угол быв. Калининского уезда прошло его детство, сюда он много раз приезжал в позднейшие годы своего учения, вятской ссылки, петербургской и провинциальной службы. В Твери он служил в 1860—1861 гг. в должности вице-губернатора, в этом городе были написаны многие произведения сатирика.

Родные места — их природа, люди, порядки — дали щедринской сатире много первоначальных материалов для художественного изображения. Местные архивы сохранили значительное число разнообразных документов, относящихся к семейству сатирика и его собственной служебной деятельности. Мысль об издании и изучении всех этих «тверских материалов» возникла у земляков великого сатирика вскоре же после его смерти. Но замученный сборник был тогда же похоронен либеральными «отцами города», испугавшимися обвинения в популяризации «неблагонамеренного» писателя. Только в советские времена местные литераторы и работники архива смогли по-настоящему начать собирание и изучение этих ценных щедринских материалов.

Книга Н. Журавлева интересна и важна в первую очередь использованными в ней новыми архивными документами, касающимися как непосредственно биографии Щедрина, так и той ближайшей социально-бытовой обстановки, которая окружала его детство и его литературную и служебную деятельность 60-х годов в Твери.

На основе архивных и краеведческих изысканий автор указывает значительное число новых фактов, явлений и имен, связанных с семейными и тверскими наблюдениями сатирика и нашестких художественное отражение в его творчестве. Наибольший интерес представляют здесь данные, устанавливающие новые реальные источники для таких произведений, как «Похехонская старина» и «Господа Головлевы».

Публикуемые в книге многочисленные служебные бумаги Салтыкова дают важный материал для его политической биографии. Борьба Салтыкова с крепостнической оппозицией, с производом «ляских помещиков» в эпоху подготовки и проведения реформы 1861 г. давно ждет изучения.

Напечатанные в книге Н. Журавлева документы дают в ряде случаев исключительно ценный материал для такого изучения. Достаточно сказать, что большинство использованных в книге дел непосредственно связано с историей крестьянских волнений в Тверской губернии начала 1860-х годов. Эти дела (особенный интерес представляет среди них нашедшее в свое время лето о волнении крестьян в Бежецком уезде) позволяют наполнить конкретным содержанием известную фразу Щедрина, сказанную им при выступлении на областном собрании: «Д не дам в долю мужика! Будет с него, годко, столько, сколько надо будет». Не меньший интерес представляют документы, рисующие Щедрина как защитника рабочих от произвола местных предпринимателей-фабрикантов.

Книга Н. Журавлева представляет полезный вклад в биографическую литературу о Щедрина. Нужно пожелать, чтобы хороший почин Калининского литературного издательства был продолжен и в других городах, где жил и служил Салтыков. В архивах Кирова (б. Вятки), Рязани, Пензы и Тулы десятилетиями лежат нетронутыми многочисленные бумаги Салтыкова. Пора, наконец, извлечь их из архивного плена, надлежащим образом изучить и издать.

С. М.

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Щедрин в русской и мировой литературе

Щедрин выступает в русской литературе прежде всего как преемник Гоголя. Автор «Мертвых душ» оказал огромное влияние на формирование мировоззрения русской революционной демократии. Он первый в русской литературе сосредоточил внимание на глубоком, точном, беспощадно правдивом изображении «несовершенства» действительности. Гоголь писал, что он «... и не может изобразить... ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни». Эти слова Чернышевский считал «программой» лучших творений Гоголя, ухвативших невиданную крепостной уклад, звавших к его переделке.

Щедрин, которого Шевченко считал гениальным учеником Гоголя, творчески продолжал дело автора «Мертвых душ». Добролюбов указывал, что Гоголь «... не смог идти до конца по своей дороге. Изображение пошлости жизни ужаснуло его; он не сознал, что эта пошлость не есть удел народной жизни, не создал, что ее нужно до конца преследовать, искоренять, не опасаясь, что она может бросить другую тень на самый народ».

Эту великую историческую задачу и выполнил Щедрин, уже не знавший сомнений и колебаний Гоголя. Если для Гоголя важны были политические корни той «пошлости», которую он преследовал в русской жизни, то сатирические удары Щедрина сознательно направлялись против произвола самодержавия и жестокости крепостничества, против пореформенного буржуазного хищничества, против двоящихся, ла-

пы и предательства российских либералов.

В стиле Щедрина гоголевское конкретное и резкое изображение отрицательных сторон жизни, гоголевская красочность и множественность образов, гоголевская страстность и богатство языка сочетаются с ясностью, последовательностью, целесообразностью мысли Белинского и Чернышевского. Приведем несколько примеров, в которых творческое продолжение Щедрина гоголевских мотивов выступает наиболее наглядно.

Слова Гоголя в «Мертвых душах» о «потраченной тине мелочей, опутавших нашу жизнь», звучат как отправной пункт для щедринской темы «мелочей жизни». Эта тема становится у Щедрина стержнем олимпийского пиля, причем она предельно насыщается политическим содержанием.

Гоголь писал: «Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде мелочей нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком». Щедрин же не только изобразил Ноздрева в другом кафтане, но и показал, как изменился Ноздрев к 70-м и 80-м годам. Щедрин ввел Ноздрева в политику в качестве редактора реакционной газеты «Помои» («Письма в теньбу»).

Гоголь пишет о Чичикове: «Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? Теперь у нас подлоцов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели». Со свойственной Гоголю

художественной насыщенностью здесь выражено обобщение, пренебрегающее характеристикой целой политической манеры. Вспомним классический образ щедринского, олеванного из-за угла либерала, с его формулой «применительно к подлости». Разве он не вырастает на фундаменте этого гоголевского образа подлости, скрывающейся под приятностью, «благонамеренностью» и разговорами о добродетелях?

Приведенные примеры, число которых легко умножить, показывают органическую связь, существующую между творчеством Гоголя и Щедрина. Гоголевское видение мира было столь глубоко проникающим, что по мере усложнения русской политической жизни, гоголевские образы и, главное, методы изображения действительности подавались политическому заострению.

Пушкина, как и Гоголя, Щедрин считал «величайшим из русских художников». Он видел «сущность пушкинского гения... в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые топтался управа идеологии, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно». Вспомним, что и Пушкин задумывал произведение, целиком посвященное именно «бесности» и «несовершенству» русской жизни. «История села Горюхина» показывает, как гениальным новатором Пушкин был и в этой области, и еще раз подтверждает слова А. М. Горького о Пушкине: «Он у нас — начало всех начал...»

«История села Горюхина» обнаруживает связь, связующую Пушкина и Щедрина, даже через голову Гоголя. Пушкинская хроника сочетает бытовую конкретность с ролью, предсказывающей стиль Гоголя в «Ревизоре» и «Мертвых душах», и сатирическую ясность мысли в духе великих

западноевропейских сатириков. Как и Гюго, Горюхино выпадает в целую «страну» со своей историей, «образом правления» и правителями, каждый из которых обладает своей «политической сетью».

Замысел Пушкина, не получивший полного развития, неслучайно предвосхищает стиль Щедрина. Пушкин ставил в пример русским прозаикам Вольтера и вообще французскую прозу XVII—XVIII веков. Влияние Пушкина на Гоголя заключалось в значительной мере в стремлении привить гению Гоголя остроту и целеустремленность мысли, помочь ему осознать себя как сатирика.

Продолжая в русской литературе традиции великих сатириков, Щедрин выполняет задачу, предуказанную Пушкиным.

Щедрин понимал, что его борьба с самодержавием и крепостничеством аналогична той борьбе, которую вели западноевропейские сатирики и просветители XV—XVIII веков. Щедрин говорил о себе, что для француз он — «писатель семнадцатого века, на их аршин».

Щедрин отдал свою творческую близость к классической западноевропейской сатире, возмущая против критиков, назвавших «Современнику иллюзии» «сборником», отстаивая целостность своего произведения, он писал: «Ежели статья на такую арена «Вестника Европы», то и «Записки Никитинского клуба», «Дон-Кихот», «Мертвые души» придется назвать «сборниками». А в беседе с Л. Ф. Пантелеевым Щедрин сказал, что считает такие свои произведения, как «Современнику иллюзии» и «Дневник провинциала», «настоящими романами» и опять сопоставил их с «Дон-Кихотом».

Действительно, сатирическое обозрение роман, аналогичное сатирическому роману возрождения и просвещения, является основным жанром творчества Щедрина.

В его сатире наивный провинциал или другой рассказчик, от лица которого Щедрин велет повествование, путешествует по миру, подобно Гулливеру, Дон-Кихоту и Санчо Пансе, Кандиду и Пантлоссу. Он сталкивается с язвами и противоречиями

действительности, а читатель таким образом имеет возможность обозреть испуганные и мучающиеся «средних людей», либеральных неконсумителей, разного рода хитингов и помпадуров.

Сближает Щедрина с великими западноевропейскими сатириками и суровая, полчернутого обобщающая, данная в нарисованной форме классификация типов. В этом смысле такие щедринские типы, как глуховцы, тапкентцы, пенкосниматели, напоятинаты, по принципу своего сознания, те «варюлы», с которыми знакомы Гулливер, Панталограф и Пантур, Кандид и Бабук. Вспомним залупян Свифта, сутяг Рабле и т. п.

Наконец, смелая, яркая, поражающая конкретностью гиперболических образов реалистическая фантастика Щедрина, естественно вымывает сопоставления с фантастикой Свифта и Рабле. Если, например, у залупян-схолостов головы сложены направо или налево, то у щедринского чаровника в черепе образовалась трещина для того, чтобы распоряжения начальства дохляки возможно скорее. Недаром указывал Тургенев: «... в Салтыкове есть что-то Свифтовское».

Но Щедрин воспринял традиции классической западноевропейской сатиры после краха просветительских иллюзий и надежд, после того, как обнаружилось все противоречия буржуазного общества. Исторический оптимизм просветителей, их стремление к «идеалам общечеловеческим» сочетается у Щедрина, прошедшего школу Чернышевского с трезвым и горьким пониманием того, какие труднейшие исторически сложившиеся препятствия стоят на пути к осуществлению этих идеалов. Щедрин пришел к выводу, что «история дает приют в недрах своих не только прогрессивному нарастающему правды и света, но и необычайной живучести лжи и тьмы».

У Щедрина исчезает отвлеченный «идеальный», «нормальный» человек просветителей, который в их сатирических романах обозревает неразумность существующих порядков. У Щедрина обозревателем становится исторически конкретный «средний человек», тип, представляющий большую социальную группу тогдашней Рос-

сии. Щедринский «средний человек» страдает от господствующего произвола и вместе с тем сам склонен к хищничеству и лжедоушности.

Мир, изображаемый Сервантесом, Рабле, Свифтом, Вольтером, оставался как бы неподвижным; по нему путешествовал обозреватель. Перед читателем проходили мир и судьбы обозреваемого мира, а судьбы обозревателя. У Щедрина же обозреватель является наблюдателем исторических изменений русской жизни. Для Щедрина «во всяком положении вещей главным зодчим является история».

Тургенев писал о Щедрина: «...он знает свою родную страну лучше, чем кто-либо». А. М. Горький сказал: «...Невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина». Творчество Щедрина — такой же великий, неисчерпаемый источник для изучения политической и бытовой истории России 50—80-х годов, какими служат творчество Балзак для изучения истории Франции первой половины XIX века.

Но эпопея Щедрина проникнута более суровой и деной мыслью. Энгельс, говоря о «сатире» Балзак, указывал на то, что «Человеческая комедия» — «непрестанная элегия по поводу неуправляемого развала высшего общества». Эпопея же Щедрина — педиком и навсквозь сатирична. Щедрин говорит о судьбах русского народа, изображая врагов его — господствующие классы старой России. Народ же, «человек», питающийся любовью, встает в творчестве Щедрина, как грозный, обвиняющий свидетель жизни разного рода «господ» — Головлевых, тапкентцев и т. п.

Сатирическое эпопея Щедрина — закономерное звено мирового литературного развития. На новую высоту щедринские идейные и литературные традиции были подняты только в творчестве Горького. Сатирическое изображение господствующих классов старой России органически сочетается у великого художника рабочего класса с тем «уяснением... положительный типом русского человека», которое Щедрин считал своей задачей, оставшейся, однако, в силу исторических условий, им не решенной.

РЕЧЬ тов. А. Н. ТОЛСТОГО

Поэтика

Тараса Шевченко Из доклада МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

Сегодня мы празднуем 125-летие со дня рождения лучшего из сынов Украины. В майские дни, в древнейшем из городов, в сердце Украины, мы собрались на прекраснейший из праздников: на праздник победы гуманизма.

Что такое гуманизм? Строй души человеческой, когда человек человеку — друг. Ненасытная жажда познания мироздания и неустанная погоня за новыми и новыми формами красоты. Обратить взор в прошлое: гуманизм — это то единственное, что вечно осталось от ушедших в небывшие народы и цивилизации: книги, народные сказания, мрамор изваяний, архитектурные пропорции. Обратить взор в будущее. С гордостью, со счастьем повторять это слово: будущее, потому что только мы, сыны Советского Союза, смело и гордо можем глядеть в будущее.

В будущем перед нашим взором развертывается почти невообразимая вообразительности роскошная страна, куда указан путь Лениным, куда ведет нас товарищ Сталин. (Бурные аплодисменты). Гуманизм — это духовное воспитание общества при социализме, это всеобщее духовное оздоровление общества при коммунизме. Гуманизм при социализме и коммунизме — вечное творческое движение вперед к новым и новым завоеваниям мысли, искусства, культуры, науки, техники, общественного бытия. Движение, сопровождающееся все более раскрытым и напряженным состоянием счастья.

Мы смело можем идти по все шире развертывающейся перед нами дороге. Товарищ Сталин дает надежную охрану гуманизму, охраняет изгнанных в мире артиллерий, из быстрейших в мире самолетов и несокружимых штыков Красной Армии. (Аплодисменты). Мы радостно под майским солнцем можем праздновать память великого воинствующего гуманиста, Тараса Шевченко. Как Пушкин, как Лермонтов, он совершенен и чист и уст-

ремлен в высокой цели. Он — душа украинского народа, и потому на вечные времена народ воздвиг памятник своему певцу, своему любовию и гневом пылающему сердцу.

Здесь, в Киеве, особенно уместно говорить о гуманизме, — пусть слушают нас те, кто всю свою фашистскую ярость опрыскивают на прошлое и настоящее гуманитарной культуры, с целью установить примат, торжество расы человека-зверя.

Народ, давший миру Тараса Григорьевича Шевченко, десять столетий тому назад начал создавать здесь, в Киеве, гуманитарную культуру. В то время, когда Центральная Европа была погружена в невежество и анархию раннего феодализма, когда предки германских рыцарей жили в лесных трущобах браву из человеческих черепов, когда древнеримская культура уже ушла из Англии и Галлии, а новая так еще не народилась, когда короли и герцоги посвящались на больших дорогах или на досуге высматривали швей из рыхлых чубов (смех, омиление в зале), и моральным достижением среди этих разбойников была, по мере надобности, клатва над дубовым чаном, в котором, как солонина, лежали мощи святых, — в эти темные времена стальной Киев был уже велик, богат и славен. В нем процветали ремесла и скреплялись шумные торговые пути — на восток — в Персию и Индию, на север — к источникам сырья, на юг — в Византию, на запад — до самых отдаленных центров: Галлии и Англии. В Киеве были народные школы и общественные бани... Церквы изукраивались мозаикой и живописью, а о выоте словесной культуры можно судить по величайшему из поэтических памятников — «Слову о полку Игореве».

Создавались летописи, и на их основе были позднее написаны дошедшие до нас Лаврентьевский и Ипатьевский списки. Народ-строитель этой высокой культуры

Киевской Руси создал бессмертные былинки, думы, песни, волшебные, героические и бытовые сказки. Киев был одним из немногих центров просвещения, искусства и торговли. Со всей Европы короли и принцы съезжались туда свататься, — и бедные киевские князья, проливая слезы, уезжали корольчицами в глушь и захолустье, в Лондон и Париж (смех, омиление в зале), увозя с собой книги в память о родной земле.

Не погибла киевская культура, под страшными ударами татар была усюжена народами в Суздаль, в Новгород, в Киев, и снова через века вернулась и зашевелилась в Киеве...

Как видите, у Тараса Григорьевича Шевченко было богатое наследство, и было из-за чего ему насыпать тени гайдамаков на панскую Польшу и на царских сатрапов.

Древним образом поэзия Тараса Григорьевича Шевченко сплеталась с нашими самыми высокими задачами литературы социализма. Эти задачи ставят перед нами народ, наше растущее гуманитарное общество.

Вот эти задачи: народность литературы, всеми корнями уходящей в народную психику, в его восприятие, в его культуру, в его язык.

Отсюда — реализм, как метод художественного мышления: образность, ясность, конкретность и простота изложения. Так же, как в нашей жизни, личность занимает свое место в обществе, не принося себя, но обогащая себя социалистической связью с обществом, так и в реалистическом писателе получает зрелый, сильный и оригинальный рост. Путь какого-нибудь Марселя Пруста — это гибель личности в пробковой комнате, путь же мы со всей решимостью отвергаем. Реализм, вырастающий на народной почве, отлично выявляет всякие незначительные изгибы творческой личности.

Далее: высокая служба искусства, значительность его задач, обусловленных борьбой народов СССР за коммунизм. Высокая служба искусства охватывает и познающим, и культурным, со сместью в искусстве, с дерзостью, с дерзанием.

Тарас Григорьевич с дерзостью и сместью создавал новые формы поэзии, опираясь на литературные традиции... «Гайдамаки» он переключается со «Словом о полку Игореве». По яркости и пышности образов, гневу, горечи и страсти, по общественной значительности это — родственные поэмы. Лиры неведомого поэта «Слова» и лиры Шевченко касались те же вдохновенные пальцы сынов великого народа.

Социалистический реализм требует от нас дерзаний, разнообразия жанров, стилей и тем... Наша родина велика и многообразна. Уже третье октябрьское поколение склоняет свои юные головы над новыми книгами... Пусть чувство долга у нас перед нашим читателем, пусть пламенная любовь будут таким же, как у Тараса Григорьевича Шевченко. Он научил нас, как нужно отдавать всего себя великому делу.

Товарищи, наш праздник поэзии, праздник победы гуманизма стал возможен благодаря человеку, кто сильной рукой направляет источник нашего великого отечества сквозь вражеские теснины к великой и окончательной победе. Я предлагаю приветствовать товарища Сталина. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Возгласы: «Великому Сталину, ура!»). Я предлагаю приветствовать товарища Сталина и уверен, что вместе с нами он горит и в благодарном словом помянет Тараса Григорьевича Шевченко. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Великий поэт — это поэт, голос которого выражает глубочайшие мысли, чувства, чаяния, стремления народа. Речь идет о зрелом творчестве, о его сущности, о его основе. В этом понимании поэтики великие поэты — Пушкин и Некрасов, поэтика великий поэт — Тарас Шевченко.

Поэт великий — поэт народный. Здесь необходимо уточнение. Зачастую народность поэзии путают со смысловой тематикой и стилиевой ограниченностью. Не говоря уже о том, что поэзия народное творчество далеко от плоского приятия, следует помнить, что великие народные поэты говорят за свой народ, говорят от его имени, но говорят своим голосом, во всей неповторимой красоте своего дара, своей культуры.

Это не надо угадывать из виду, цитируя известные слова Добролюбова, что Шевченко — поэт вполне народный и что даже Кольцов не может с ним идти в сравнение.

Высказывалось иногда мнение и не только идейными врагами Шевченко, а подчас и искренними его друзьями, что автор «Кобзаря» только грамотный и высокообразованный песенник из народа, случайно не безымянный. Говорили о том, что культура поэта велика, философский охват незначителен, а стихотворная техника стоит на невысоком уровне. Это мнение — наряду с рядом других столь же несправедливых — особенно ярко развил в свое время Драгоманов. Выходило, что Шевченко был типичным представителем той узкой, провинциальной литературы «для домашнего обихода», роль которой отводил на склоне своих лет Виктор Иванович Костомаров, когда-то друг Шевченко, украинской литературе.

Мысль о невысокой культуре поэта, со свирепой радостью подхватившая ныне украинскими фашистами, не нуждается даже в опровержении. Достаточно прочесть «Дневник» Шевченко, чтобы увидеть, как уверенно обращается его автор с мнением художников, поэтов, мыслителей, какая у него строгая и стройная система эстетических взглядов и политических воззрений, какие у него широкие исторические концепции, какие здесь тонкие и меткие оценки, великолепные прозрения, которые только гениальный человек мог бы объяснить лишь гениальной интуицией.

Мощный поток поэзии Шевченко нес в своих волнах и романтические баллады типа баллад Бюргера, Жуковского, Милевича, и потрясающую в своей простоте и безыскусственном реализме «Катерину», и жгучих, освещенных пожарами народно-го восстания и согретых любовью поэта «Гайдамаков», и чудесные картины казацких походов («Гамалия»).

Этот поток, зарываемый железными проклятиями царско-помещичьей России в «облитых горелью и злостью» «Сне», «Кавказе» и «Посланиях», ударяется о каменную стену николаевской неволи и рассыпается сотнями брызг в целом ряде лирических шедевров.

В них почти впервые, в сущности, говорит Шевченко во весь голос о себе, о субъективных своих переживаниях. Но и в лирических стихах сверкает все то же непоколебимое солнце шевченковского свободолюбия и ненависти к тиранам — «Свободы» и «Чужим». Поток этот, вынужденный на призрачную свободу после десяти лет горьких унижений, не идет по уготованному ему руслу покорности и смирения, а еще яростнее бурлит и пенится, все шире и шире выходя из берегов и захватывая мировые темы — в «Феифтах», в «Марии».

Поэт ставит вопросы о революции, о вооруженном восстании, об уничтожении религии, о грядущем.

Характерно, что многие из своих безобразных дилемм поэт написал в самую скорбную и тяжелую пору жизни.

В каземате поэт написал знаменитый «Садок вишневи коло хати», в Орской крепости им создана грандиозная девятая песенка «Ой, стрічка до стрічки». Кос-Аралом поочередно разгуляло «Пропалась стежка через яр, через гору, серденько, на базар».

Шевченко сложен, он не всегда так легко доступен для понимания, как это кажется поверхностным читателям, — он иногда даже противоречив, как противоречивы были не только Байрон и Блок, но даже Пушкин, о гармоничности которого так любил толковать в свое время критики. Но основная линия его творчества — любовь к угнетенным, ненависть к угнетателям — неуловимо идет вверх в продолжение всей его творческой жизни.

Если говорить об основной линии творчества поэта, то следует признать, что прав был старый Аскаков, видевший в нем прежде всего лирика. Ярким, личное отношение автора к описанному миру овещает то теплым, нежным сиянием любви, то заревом гнева и ненависти почти все страницы «Кобзаря». Он пишет про горемычную Катерину — и говорит о ней так, как будто она стоит здесь, рядом с ним, в комнате, изгнанная родителями, с ребенком на руках:

Катерин, сердце мое,
Линьшо з тобою!
Де ти в світі поїнешся
З мамлю сиротою?

Он описывает гайдамацкое восстание — и вот уже суровые гайдамаки окружили его тесным кольцом и спрашивают у него совета, и он обращается к ним, к этим ожившим своим героям:

Сини мій, гайдамаки...
І так всюю. В этом смысле Шевченко — прямой продолжатель безымянных авторов украинской исторической думы и их исполнителей — слепых кобзарей-бандуристов.

Первое, что бросается каждому в глаза при чтении «Кобзаря», — согласно традиции я так называю все стихотворное наследие Шевченко, — это теснейшая связь его с народной песней. Знакомство с фольклором наложило определенную печать на все творчество поэта. Шевченко широко пользуется традиционными поэтическими приемами: «буйний вітер», «сине море», «карі очі», «біле тіло», «бистрий Дунай», «чорні хмари», «чорнобровий козак», «сизий орел». Можно сказать, что весь первый период творчества Шевченко (до ссылки) стоит именно под знаком поэтического народного эпитета.

Пользовался Шевченко оригинальными приемами скупости: они не были для него таким неизменным оружием, как, скажем, для Тютчева, но они всегда необходимы, внутренне оправданы, всегда попадают в цель.

Широко зато применяет Шевченко в своей поэзии сравнения, причем они всегда очень конкретны, очень вески, реалистичны, просты.

Вершины достигает Шевченко в тех произведениях, где он берет только народный мотив как основу и смело выливает на нем свои узоры.

Во всем отрывок из часто лирического стихотворения последнего периода:

І я живу, і яло мною
З своєю божою красою
Горни ти, зеренко мая.
Моя порадонько святая!
Моя ти доле молодая!
Не покидай мене. Вночі,
І в день, і ввечері, і рано
Витай до мною і учи
Учи неможлими устами
Сказати правду. Поможі
Молитву дати до краю.
А як умру, моя святая!
Моя ти синя в домовину
І хоть одну сльозину
В очах бессмертних покажи.

В этом стихотворении отразились характерные черты поэзии Шевченко, очень всем нам знакомые: вы слышите пушкинские четырехстопный ямб. И — тот же у Шевченко секрет музыкальности, что и у великого русского поэта, к сожалению, утраченной вышними украинскими и русскими поэтами: на коней стиха обычно падают самые важные, самые значительные слова.

В этом отношении Пушкин и Шевченко переключаются с Маяковским. Пушкин Шевченко любил благоговейно любовью, и следы влияния создателя «Евгения Онегина» в творчестве автора «Гайдамаков» несомненны.

С глубокой любовью относился Шевченко к поэзии Лермонтова. Наши литературоведы находят у Шевченко черты тематического и текстового сходства с Лермонтовым. Приводимые ими примеры не кажутся мне слишком убедительными. Важней, по-моему, стилистическое родство. Может быть во всех славянских литературах не было больших певцов гнева, певцов негодования, певцов презрения, чем Лермонтов и Шевченко.

Автор «Кобзаря» хорошо знал польскую литературу. Находят у него влияния польских поэтов, так называемой «украинской школы».

Несмотря на большую разницу мировоззрения и поэтических темпераментов, видим мы у Шевченко и следы влияния трагической манеры ролеобразности новой украинской литературы Котляревского: именно под знаком этого влияния стоит предместное стихотворение Шевченко «Старенька сестро Аполон».

Витавши в себя лучшие традиции украинской и русской литературы, использовавши творческий опыт таких поэтов, как Милевич, как Барыба, Шевченко всюду оставался самим собой — и притом в литературе украинскую совершенно новые тона и линии. Здесь достаточно отметить хотя бы жанровую новизну таких вещей, как «Гайдамаки», «Сон», «Кавказ», «Великий льох».

Шевченко-новатор ждет своего исследователя.

Я уже говорил, что мнение о якобы невысокой стиховой технике Шевченко основано на недоразумении.

Нельзя не упомянуть, в частности, об умелом пользовании рифмой, причем подчас очень свежей (особенно для того периода развития украинского слова) и глубокой, об его ассонансах и лиссонансах, о том, что буквально нет страницы «Кобзаря», где бы не было великолепной игры рифмами внутренними, о мастерстве звукописи:

Неначе ляля в льохі білій
ли:
Гармидер, галас там у гаї.
Широкие перспективы открыты и для изучения богатой лексики и гибкого синтаксиса Шевченко. Горько, что до сих пор нет словаря шевченковского языка, хотя выражение «язык Шевченко» употребляется очень часто и не всегда к месту.

Если упомянуть эпитеты Шевченко до неузнаваемости изменили характер его стиха (им казалось, что их шарманочные хоры — это и есть «шевченковский размер») — и совершенно вытравили в своих поражающих стихах идиотский язык «Кобзаря», то такие творцы, как Леся Украинка, как Иван Франко, или совершенно самостоятельными путями, органически усвоили и развили славные шевченковские традиции.

Думаю — и в этом согласится со мною и украинские поэты, и поэты, переведшие «Кобзаря» на языки народов Советского Союза, — что стихи автора «Катерини» и «Кавказа» являются и долго еще будут — наряду со стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Руставели — олодотворяющим началом в нашей поэзии. Я не говорю о прямом подражании. Лучший способ подражать великому поэту — быть оригинальным. (Омиление в зале, аплодисменты).

Много рек течет в нашей стране: синие, голубые, зеленые, серебряные. Но все они освещены ярким солнцем — солнцем Ленина, солнцем Сталина, солнцем дружбы свободных народов. И портрет Шевченко в кабинете грузинского писателя, в квартире белорусского инженера, в комнате русского рабочего, в хате украинского колхозника — не только красивая традиция, но и прекрасный символ. (Бурные, долго несомлающие аплодисменты).

РЕЧЬ тов. ПАВЛО ТЫЧИНЫ

Товарищи! В эти весенние теплые дни мы, писатели всего Союза, собрались здесь, в столице Советской Украины, для того, чтобы отпраздновать радостный солнечный праздник — 125-ю годовщину со дня рождения великого украинского поэта, революционно-демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

У каждого народа есть свои певцы-прозорливцы, в сердца которых, как в могучий океан, вливаются все радости и боли, вся мудрость трудящихся. Мудрость украинского народа, все радости и боли, которые переживал он в прошлом столетии, до краев наполнили щедрое сердце Тараса Шевченко. Этот океан, который когда-то парил, лопы и генералы хотели зарыть лапками, шлохда не уехала, не мелел, шлохда не переставал быть глубоким. Этот океан настолько велик, что он своим маем доухающим берегами всегда граничил, всегда находился в соседстве со всеми народами и племенами бывшей царской России. Теперь эти народы и племена благодаря Великой Октябрьской революции навеки освобождены, возрождены и призваны к новой жизни, — жизни радостной, прекрасной. Теперь и самый океан каждого народа Советского Союза, заветное наследство его, любовно изучается, исследуется со всеми его глубинами, свойствами, течениями. И замечательно, что в изучении такого дорогого наследства, в праздновании шевченковского юбилея, принимают участие все народы Советского Союза. Так они эти дела и на юбилейных торжествах Александра Пушкина, Шота Руставели, Ахундова, Шолом-Алейхеа, Туманяна.

В какое прекрасное время мы живем! Партия Ленина — Сталина поставила нашей целью в ближайшие 10—15 лет догнать и перегнать крупнейшие капиталистические страны и в экономическом отношении. Как один из ответов на это — летит в Америку бесстрашный Космонавт, который перед собой заявляет, что основное в его полете — быстрота. Какие сказочные дали открываются перед нами!

Юбилей Шолом-Алейхеа и Овнеса Туманяна, недавно проведенные нами, раскрыли нам неисчислимые культурные богатства еврейского и армянского народов. Эти юбилеи еще раз подчёркнули, что основное в нашей работе, как сказал Овнес Туманян перед смертью, — верность советской власти.

Как прекрасна эта дружба народов! Ведь ныне во всем мире нет такой счастливой земли, как у нас. Золотистый абоней большой выросла на земле нашей священной чудесная Сталинская Конституция. И ветви этой абоней далеко протянулись над каждой республикой Советского Союза, над каждой автономной областью. И вот, собравшись сегодня здесь на шевченковский пленум, мы, советские писатели, прежде всего хотим воздать слово благодарности тому, кто дал нам возможность расти и развиваться, тому, кто по-настоящему научил нас беречь дорогое наследство народное, как зеницу ока, тому, кто мыслями и заботами своими о нас всегда присутствует в сердцах наших, — великое слово благодарности отцу нашему, отцу всех народов — Иосифу Виссарионовичу Сталину. (Бурные аплодисменты).

Товарищи, всеобщий шевченковский пленум советских писателей собирается сегодня в исключительно серьезный момент. В то время как у нас цветет культура и развивается благосостояние трудящихся, в странах зоологического фашизма происходит порабощение народов, обращение их в рабство. Но против такого гнета фашистских потрошителей и каннибалов в Европе идет дальше, тем сильнее и шире нарастает протест. Мы — участники нарастающей борьбы об'единенного народного фронта на Западе. Несмотря на мощнейшие мировые буржуазии, зверь фашистский непременно будет обуздан, — в этом сомнения нет. Но пока-что аверя этот, проглотив живыми отдельные государства и народы, все больше и больше нагнет в своей алчности. И вот здесь перед всеми нами стоит великая задача — повседневно крепить обороноспособность нашей страны, повседневно кре-

пить дружбу республик и областей. Каждый наш праздник и торжество проводить так, чтобы на весь мир звенела и опущалась наша мощь непобедимая, наша сила сталинская, могучая.

Значение всеобщего шевченковского пленума как раз и заключается в том, что мы на нем демонстрируем торжественно-сталинскую политику партии большевиков. Значение пленума в том, что мы, представители разных республик и областей, являемся единой советской семьей; все мы — родные братья одной матерью. Если враги попробуют посягнуть на нашу мать-родину, на многонациональную родину советскую, мы с быстротой чаловских крыльев, с быстротой крыльев Космонавта все, как один, поднимемся на оборонные высоты. Наша могучая, непобедимая Красная Армия такого задает им перду, что тогда горе будет нападающим — пусть враг гибнет!

«Пусть враг гибнет», — ведь это один из боевых лозунгов боевой поэзии Тараса Шевченко. Ах, да разве только это выражение? Ненависть к врагам, смертельная ненависть к парям, попам, помещикам — вот что особенно тесно связывает нас с ним сегодня. И хотя мы знаем Шевченко и как лирика мягкого, и как философа глубокого, и как поселника Заславного, — мы из всей этой многогранности гения выбрали одно — гнев. И гнев этот особенно для нас ценен сейчас в борьбе против мировых разбойников и бандитов из «осв. Берлин» — Рим, против угнетателей и разрушителей культуры китайского народа. Пусть враг гибнет!

Этот гнев Шевченко зародился во времена кровавого царствования Николая Палкина, когда поэт, сам выйдя из крепостных, на себе испытал все муки и страдания своих братьев-крестьян, стонавших под игом крепостничества. Шевченко был задан с такими русскими революционерами-демократами, как Чернышевский, Добролюбов, а позднее — Герценем. Этот гнев сквозил и в беседе с грузинским литератором, тогда еще молодым Алакем Церетели, и в подписание протеста против антисемитского выступления журнала «Иллюстрация».

Этот гнев еще больше обострился и возмужал в Кос-Арале среди казахов в ссылке. «Караюс, мучаюс, но не каюс», — вот что ответил Шевченко на хитрые вопросы врагов: не показывая ли бы он «случайно? Куда бы судьба ни забросила Шевченко, он всегда был верен своему делу, не клялся, не гнул шеи перед парем. Всегда приспосабливался он к рети угнетенных народов, изучал их поэзию, фольклор и поднимал народ на протест, на борьбу. Французский писатель Мериме сказал о Тургене, что тот 22 выстрелами своих рассказов из писты «Записки охотника» стрелял в сторону рабства, угнетавшего его страну. Но каким же чином можно определить выстрелы Тараса Шевченко? Взять хотя бы такие его произведения, как «Катерина», «Заповіт», как «Гайдамаки», «Сон». Ведь он стрелял в крепостничество и в виновников этого рабства, в парей и бар — буквально каждой строчкой поэтической! И когда эти выстрелы, по мнению Шевченко, было еще недостаточно, он признавал «громадой обух стальт», толор точить на проклятых тиранов! Ясно, что эти тираны были революционным словом, которое исходило от такого несокружимого железного бойца-поэта, как Шевченко. И они порешили уничтожить его, сжить совсем со света, убить его, если не пудей, как Пушкина и Лермонтова, если не пудей, как Рыльева, то дальней ссылкой о запрещение писать и рисовать.

Но Шевченко и после смерти своей не переставал преследовать парей. Прометей дух Тараса Шевченко развернул от себя крылья и облетел весь мир. Достаточно сказать, что в течение трех десятилетий после смерти Шевченко «Кобзаря» его за границей переводится 12 раз! Выдающиеся западноевропейские критики и поэты высоко в своих стихах пенили творчество Шевченко. И это понятно. После смерти Гейне и Веранже, на фоне беззастенчивого плача Бодлера о ночи, о конце мира; на фоне вопляющий белорусских подражателей, проводивших их отращивание в

борьбе, — гневное слово Шевченко для европейских писателей было так свежо, ново и необыкновенно!

Гневное слово Шевченко особенно созвучно было простому народу, беднякам — только по названию гражданам западных государств, всем угнетенным, над которыми в каждой стране стояли с нагайкой в руке свои Наполеоны III и мучили народ не хуже Николая Палкина. Народы горячо восприняли песни Тараса Шевченко и считали их своими родными. В Болгарии, например, произведения Тараса Шевченко настолько глубоко вошли в народ и там, в народной массе, тысячи раз переделывались, изменялись, что теперь болгарские ученые записывают эти произведения уже из уст народа не как песни украинского гения, а просто как болгарские фольклор. Да! Гневное слово Шевченко вело тогда вперед и в Европе — к нему не могли не прислушиваться. В 1878 году на конгрессе писателей, который проводил тогда в Париже Виктор Гюго, в докладе о запрещенной украинской литературе много было сказано именно о Тарасе Шевченко. Этот доклад, замечательный по том отдельной книгой, передан был в руки Карла Маркса, и Карл Маркс, читая, сделал в нем свои пометки.

Какие грандиозные шаги сделал Шевченко на своем поэтическом пути! Так может шагать только тот поэт, который, по выражению А. М. Горького, является «спервым и воинству народным поетом».

В. И. Ленин по поводу запрещения чествования Шевченко в 1914 году писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой преносудной, великопозной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя».

Широко шагает Шевченко и сейчас по республикам Советского Союза, по всей нашей славной родине. О влиянии его поэзии на свою гортань русские поэты и белорусские, армянские и чувашские, грузинские и еврейские. Это действительно первый и истинно народный поэт. Казахский поэт Таджибаев в своей поэзии просит Тараса благословить его на труд. Армянский поэт Согомон Теронян просит Тараса принять приветствие от 11 республик, приветствие от новых кобзарей.

Вот они в этом зале здесь — представители всех 11 республик. Вот они — те новые кобзарей советские, которые сегодня приветствуют на родных своих языках Тараса Григорьевича Шевченко. Приветствуют предшественника своего, но вместе с тем и как бы своего современника, — приветствуют украинского поэта, но вместе с тем и поэта интернационального.

Как и каждый народный великий поэт, Шевченко много претерпел после своей смерти от фальсификаторов, от буржуазных националистов, от шпионов и диверсантов, которые в своих интересах украли образ украинского гения.

Но советский народ растет в прах, уничтожил этих приспешников фашизма. При советской власти издано полное собрание сочинений Тараса Шевченко. И образ его еще более чистым стал, еще более могущественным и высоким.

Таким он является в народных легендах, где Шевченко выступает как рыцарь, как богатырь: где ногой ступит, там трава соками наливается; выйдет в село — соловьи защебечут. Таким он является и у Дзюбула: Тарас идет рылом о Пушкинцем. Таким он является и у Марфы Семеновны Крюковой, которая с особенной нежностью говорит о «мудреце украинском Тарасе свет-Григорьевиче»:

Во славному городе во Киеве
На прекрасном, на оаком чудном
Местечке,
В зеленом садочке стоит примоточка,
Примоточка стоит, стоит памятник.
Далеко же он оаень видится,
Этот памятник из чуда камня
браништу.

Этот правда. Далеко виден памятник Тарасу Шевченко! Далеко виден, — во все концы мира! Да и как же иначе? Ведь он с любовью поставлен в самом сердце Украины, в Киеве, где когда-то царил и до-

ны считали установление памятника поэту «Деревик», «несвоевременным». Только советская власть, только советский народ увековечили украинского гения. И это увековечивание — оно нам так мило, оно так своевременно и нужно! Пусть этот памятник колет глаза той мрази за границей, которая хотела сына присоединить к козьяке! Игура радость доставил нам своим личным вниманием, своей заботой руководителем украинских большевиков, испытанный сталинец — Никита Сергеевич Хрущев. (Бурные аплодисменты).

Полобный явлений у нас теперь с каждым днем становится все больше и больше. Вырастают дома там, где когда-то были пустыри. Меняют свое лицо города и села. Село Шевченко теперь освещается электричеством. Но главное — то, что люди кругом переменяются! То же самое село Шевченко за 21 год советской власти стало из среды своих крестьян свыше 400 учителей!

А что касается женщин, то здесь прямо-таки нечто невероятное происходит: не хотят женщины идти в прислугу. Те женщины, которые когда-то были Катеринами из поэмы Шевченко, теперь пересели уже на тракторы. Что же им действительно идти в прислугу? А все это потому, что презренные Катерины водят теперь аэропланы под небесами, заслужили звание героинь. Что же им в самом деле идти в прислугу? Об этом очень метко сказал на XVIII съезде ВКП(б) тов. Микоян: «народ наш дальше еще меньше пожелает идти в прислугу, и хорошо сделает».

И здесь велика заслуга Тараса Шевченко, который в глухую ночь царского произвола призвал женщину освободиться от рабства.

21 году тому назад наш народ метлой смет с лица земли царей и бар, и теперь он — народ героев, народ создателей! Этот народ широкими шагами идет вперед, в коммунизм, и никому никогда не оставит его! Наоборот, с каждым днем все больше тянутся к нам лучшие люди Запада и Востока, — люди, которым тесно, плохо в пенях азерского фашизма. Они хотят думать так, как мы, — перестраивать жизнь свою по-новому. Лучшее всего это выразил недавно во французском журнале знаменитый писатель и мыслитель, великий друг СССР Роман Роллан: «Никто не может оторвать нас от Советского Союза». Какие прекрасные, волнующие слова!

Но вместе с тем какая большая ответственность ложится на нас, на всех нас! Ведь мы идем вперед всего мира. Следовательно, мы должны быть и сами еще чище и выше. В частности, мы, писатели, все время должны помнить, что без освоения классического наследства, — как говорил тов. Фадеев на страницах «Правды», — без освоения мирового художественного опыта человечества, невозможно движение вперед.

Будем же изучать творчество Тараса Шевченко! Будем учиться у него и реалистическому письму, и поэтике высокой, и языку чистому, народному, а особенно гневу, железному звучащему ненависти, беспощадной борьбе против врагов, — борьбе не на жизнь, а на смерть, как мы учимся у великого русского поэта-революционера Владимира Владимировича Маяковского.

Будем учиться у Тараса Шевченко любить нашу родину.

В семье вольной, новой поминаем сегодня Тараса незлым, тихим словом.
Да, не только незлым и тихим, а самыми лучшими, самыми ласковыми словами, притом братскими, дружественными, вечественным хором.

Особенная благодарность — великому русскому братскому народу, творцы и художники которого помогли выжить Шевченко из крепостной неволи.
Да здравствует великая дружба народов нашей страны!
Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков!
Да здравствует вождь партии, вождь мирового пролетариата товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты. Все встают).

Великий поэт — это поэт, голос которого выражает глубочайшие мысли, чувства, чаяния, стремления народа. Речь идет о зрелом творчестве, о его сущности, о его основе. В этом понимании поэтики великие поэты — Пушкин и Некрасов, поэтика великий поэт — Тарас Шевченко.

Поэт великий — поэт народный. Здесь необходимо уточнение. Зачастую народность поэзии путают со смысловой тематикой и стилиевой ограниченностью. Не говоря уже о том, что поэзия народное творчество далеко от плоского приятия, следует помнить, что великие народные поэты говорят за свой народ, говорят от его имени, но говорят своим голосом, во всей неповторимой красоте своего дара, своей культуры.

Это не надо угадывать из виду, цитируя известные слова Добролюбова, что Шевченко — поэт вполне народный и что даже Кольцов не может с ним идти в сравнение.

Высказывалось иногда мнение и не только идейными врагами Шевченко, а подчас и искренними его друзьями, что автор «Кобзаря» только грамотный и высокообразованный песенник из народа, случайно не безымянный. Говорили о том, что культура поэта велика, философский охват незначителен, а стихотворная техника стоит на невысоком уровне. Это мнение — наряду с рядом других столь же несправедливых — особенно ярко развил в свое время Драгоманов. Выходило, что Шевченко был типичным представителем той узкой, провинциальной литературы «для домашнего обихода», роль которой отводил на склоне своих лет Виктор Иванович Костомаров, когда-то друг Шевченко, украинской литературе.

Мысль о невысокой культуре поэта, со свирепой радостью подхватившая ныне украинскими фашистами, не нуждается даже в опровержении. Достаточно прочесть «Дневник» Шевченко, чтобы увидеть, как уверенно обращается его автор с мнением художников, поэтов, мыслителей, какая у него строгая и стройная система эстетических взглядов и политических воззрений, какие у него широкие исторические концепции, какие здесь тонкие и меткие оценки, великолепные прозрения, которые только гениальный человек мог бы объяснить лишь гениальной интуицией.

Мощный поток поэзии Шевченко нес в своих волнах и романтические баллады типа баллад Бюргера, Жуковского, Милевича, и потрясающую в своей простоте и безыскусственном реализме «Катерину», и жгучих, освещенных пожарами народно-го восстания и согретых любовью поэта «Гайдамаков», и чудесные картины казацких походов («Гамалия»).

Этот поток, зарываемый железными проклятиями царско-помещичьей России в «облитых горелью и злостью» «Сне», «Кавказе» и «Посланиях», ударяется о каменную стену николаевской неволи и рассыпается сотнями брызг в целом ряде лирических шедевров.

В них почти впервые, в сущности, говорит Шевченко во весь голос о себе, о субъективных своих переживаниях. Но и в лирических стихах сверкает все то же непоколебимое солнце шевченковского свободолюбия и ненависти к тиранам — «Свободы» и «Чужим». Поток этот, вынужденный на призрачную свободу после десяти лет горьких унижений, не идет по уготованному ему руслу покорности и смирения, а еще яростнее бурлит и пенится, все шире и шире выходя из берегов и захватывая мировые темы — в «Феифтах», в «Марии».

Поэт ставит вопросы о революции, о вооруженном восстании, об уничтожении религии, о грядущем.

Характерно, что многие из своих безобразных дилемм поэт написал в самую скорбную и тяжелую пору жизни.

В каземате поэт написал знаменитый «Садок вишневи коло хати», в Орской крепости им создана грандиозная девятая песенка «Ой, стрічка до стрічки». Кос-Аралом поочередно разгуляло «Пропалась стежка через яр, через гору, серденько, на базар».

Шевченко сложен, он не всегда так легко доступен для понимания, как это кажется поверхностным читателям, — он иногда даже противоречив, как противоречивы были не только Байрон и Блок, но даже Пушкин, о гармоничности которого так любил толковать в свое время критики. Но основная линия его творчества — любовь к угнетенным, ненависть к угнетателям — неуловимо идет вверх в продолжение всей его творческой жизни.

Если говорить об основной линии творчества поэта, то следует признать, что прав был старый Аскаков, видевший в нем прежде всего лирика. Ярким, личное отношение автора к описанному миру овещает то теплым, нежным сиянием любви, то заревом гнева и ненависти почти все страницы «Кобзаря». Он пишет про горемычную Катерину — и говорит о ней так, как будто она стоит здесь, рядом с ним, в комнате, изгнанная родителями, с ребенком на руках:

Катерин, сердце мое,
Линьшо з тобою!
Де ти в світі поїнешся
З мамлю сиротою?

Он описывает гайдамацкое восстание — и вот уже суровые гайдамаки окружили его тесным кольцом и спрашивают у него совета, и он обращается к ним, к этим ожившим своим героям:

Сини мій, гайдамаки...
І так всюю. В этом смысле Шевченко — прямой продолжатель безымянных авторов украинской исторической думы и их исполнителей — слепых кобзарей-бандуристов.

Первое, что бросается каждому в глаза при чтении «Кобзаря», — согласно традиции я так называю все стихотворное наследие Шевченко, — это теснейшая связь его с народной песней. Знакомство с фольклором наложило определенную печать на все творчество поэта. Шевченко широко пользуется традиционными поэтическими приемами: «буйний вітер», «сине море», «карі очі», «біле тіло», «бистрий Дунай», «чорні хмари», «чорнобровий козак», «сизий орел». Можно сказать, что весь первый период творчества Шевченко (до ссылки) стоит именно под знаком поэтического народного эпитета.

Пользовался Шевченко оригинальными приемами скупости: они не были для него таким неизменным оружием, как, скажем, для Тютчева, но они всегда необходимы, внутренне оправданы, всегда попадают в цель.

Широко зато применяет Шевченко в своей поэзии сравнения, причем они всегда очень конкретны, очень вески, реалистичны, просты.

Вершины достигает Шевченко в тех произведениях, где он берет только народный мотив как основу и смело выливает на нем свои узоры.

Во всем отрывок из часто лирического стихотворения последнего периода:

І я живу, і яло мною
З своєю божою красою
Горни ти, зеренко мая.
Моя порадонько святая!
Моя ти доле молодая!
Не покидай мене. Вночі,
І в день, і ввечері, і рано
Витай до мною і учи
Учи неможлими устами
Сказати правду. Поможі
Молитву дати до краю.
А як умру, моя святая!
Моя ти синя в домовину
І хоть одну сльозину
В очах бессмертних покажи.

В этом стихотворении отразились характерные черты поэзии Шевченко, очень всем нам знакомые: вы слышите пушкинские четырехстопный ямб. И — тот же у Шевченко секрет музыкальности, что и у великого русского поэта, к сожалению, утраченной вышними украинскими и русскими поэтами: на коней стиха обычно падают самые важные, самые значительные слова.

В этом отношении Пушкин и Шевченко переключаются с Маяковским. Пушкин Шевченко любил благоговейно любовью, и следы влияния создателя «Евгения Онегина» в творчестве автора «Гайдамаков» несомненны.

С глубокой любовью относился Шевченко к поэзии Лермонтова. Наши литературоведы находят у Шевченко черты тематического и текстового сходства с Лермонтовым. Приводимые ими примеры не кажутся мне слишком убедительными. Важней, по-моему, стилистическое родство. Может быть во всех славянских литературах не было больших певцов гнева, певцов негодования, певцов презрения, чем Лермонтов и Шевченко.

Автор «Кобзаря» хорошо знал польскую литературу. Находят у него влияния польских поэтов, так называемой «украинской школы».

Несмотря на большую разницу мировоззрения и поэтических темпераментов, видим мы у Шевченко и следы влияния трагической манеры ролеобразности новой украинской литературы Котляревского: именно под знаком этого влияния стоит предместное стихотворение Шевченко «Старенька сестро Аполон».

Витавши в себя лучшие традиции украинской и русской литературы, использовавши творческий опыт таких поэтов, как Милевич, как Барыба, Шевченко всюду оставался самим собой — и притом в литературе украинскую совершенно новые тона и линии. Здесь достаточно отметить хотя бы жанровую новизну таких вещей, как «Гайдамаки», «Сон», «Кавказ», «Великий льох».

Шевченко-новатор ждет своего исследователя.

Я уже говорил, что мнение о якобы невысокой стиховой технике Шевченко основано на недоразум

НОВОЕ О «ПОМПАДУРАХ»

Мы хотим поделиться с читателями новой, до сих пор не известной, неизданной страничкой из черновых рукописей «Помпадура» и «Помпадури». Эта страничка принадлежит к самому последнему отрывку: «Мнения знатных иностранцев о помпадурах».

Очерк «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» направлен не только против «помпадура», парижского губернатора, но и против самих этих «иностранцев», достаточно наболевших к тому времени своими смехотворными воспоминаниями о поездках в Россию. Перед нами проходит пестрой вереницей: австрийский сэр Галучча-Ядрич, автор «Путеводителя по русским «свезжим домам»; посланник императора острова Гаити Сулука I, князь де ла Расонад (сахарный песок), ставший позднее гарсоном в парижском ресторане; французский сатисш Шенанан (прохвост) и др. Теперь эта сатирическая галерея пополняется еще одним, самым «знатным иностранцем» — «курляндским бароном».

Даем слово самому Шедрину:

ДВА КРАТКИХ ВОПРОСА
г. САМАРИНУ ОДНОГО ИЗ
КУРЛЯНДСКИХ БАРОНОВ *)
(Из «Новой Фрейе Прессе»)

Милостивый государь!
«Вы упрекаете нас в сепаратизме и недостатке лояльности; вы доказываете, что мы всегда были баюками Фортуну, и что наша жизнь всегда складывалась самым благоприятным для нас образом».

«Я не знаю, вполне ли вы правы, утверждая так безусловно, что жизнь всегда благоприятствовала нам. Насчет приятности жизни существуют различные мнения; и довольство домашней скотины не всегда может быть служит мерилом довольства разумного существа. Допустим однако ж, что вы правы; но неужели вы не чувствуете, что вам все-таки остается еще доказать, что жизнь и в будущем не может сложиться иначе, как благоприятно для нас образом».

«В ожидании этих доказательств считано не лишним предложить на ваше благосклонное рассмотрение два следующих вопроса:

«Слышали ли вы о некоторой корпорации, известной под названием «Помпадуры», и ежели слышали, то что об этом явлении думаете?»

«Известно ли вам слово «фьюнты», и какое вы имеете мнение о его растяжимости и приложимости?»

«Прошу принять уверение и проч. Один из курляндских баронов».

Смысл этой сатиры вскрывается легко. Шедрин выступает здесь, во-первых, против славянофильства. Отсюда — образы одного из «рабейнов-славян» — Галучча-Ядрича; реакционных славянофилов — профессора Погодина и откупщика Бокорева; наконец, либерального славянофильского публициста Юрия Самарина.

Самарин вел в это время леваго политическую политику. В своих «Опришках России» он справедливо обвинял прибалтийских немцев баронов в угнетении латвийского и эстонского крестьянства, но в то же время сильно приукрашивал положение русского крестьянина. В борьбе с «Опришками России» прибалтийско-немецкие публицисты (фон Бокк, Шаррен, Сиверс) стремились побить Самарина заявлениями о своей преданности русскому самодержавию.

Шедрин знал настоящую цену всей этой грязи русских и немецких помещиков. Милые бранятся — только тешатся. Не даром друг Самарина, князь Черкасский, отстаивал в эпоху крестьянской реформы телесные наказания для «освобожденного» крестьянства.

Но, не давая спуску «своим», русским помещикам, Шедрин больше бьет в то же время и по немцам. Не даром «курляндский барон» оказывается у него в одном ряду с французским сыщиком.

И без прямых заявлений балтийцев о своих верноподданнических чувствах Шедрин знал — и не раз показывал — всю реакционность немецкого дворянства на службе у русского самодержавия.

Шедрин оставил неопечатанной эту свою страничку, исключая из числа «знатных иностранцев» своего «курляндского барона». Почему? Да потому, конечно, что все эти эсляндские, лифляндские, курляндские дворяне чувствовали себя при романовском самодержавии более чем русскими и поставляли из своей среды огромное количество «помпадура» всяких рангов. Это были элитные унетатели русского и всех прочих народов, заключенных в тюрьмы народов — царской России.

* Собственно говоря, один из курляндских баронов не иностранец, а инородец, но и помещик его в числе «знатных иностранцев» на том основании, что он, по всем видимостям, сам желал быть таковым. — (Второй)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ В БИРОБИДЖАНЕ

Сказка, хорошая советская сказка, полная фантастики и символических образов, но опирающаяся на реально-возможные явления, понятия и факты жизни, свободная от всякой мистики, — редкий жанр в современной еврейской литературе. Замечательная сказка писал классик еврейской литературы Перл. Из советских еврейских писателей Нистор — едва ли не единственный, работающий в этом жанре.

Великие социальные процессы, происходящие в нашей стране, всемирно известные события в области научных открытий, изобретений, авиации, совершенных советскими учеными-новаторами, — разве это не замечательные сказочные сюжеты?

Жанр сказки давно привлекает меня. За истекший год я написал четыре сказки. Они были частично напечатаны в журналах. Я издал также несколько лет назад два сборника рассказов и продолжаю работать над новеллами.

В последние годы мои произведения, так же, как и произведения большинства писателей Биробиджана, не выходили отдельными изданиями. Они печатались в

С 23 по 27 апреля в Ташкенте проходил 2-й съезд писателей Узбекистана. На снимке: группа делегатов съезда с гостями из Москвы. Сидят (слева направо): орденносоц-поэт Гафур Гулям, писатель С. Д. Мстиславский (Москва), орденносоц П. А. Павленко (Москва) и писатель Хасан Пулат. Стоят (слева направо): орденносоц Л. М. Пеньковский (Москва), писатель Хамид Алимджан, орденносоц Сабир Абдулаев, драматург Зиннат Фатхуллин, орденносоц Эминджан Аббасов, драматург С. Исмаил Заде и орденносоц Султан Джура.

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАКОНЧИЛИ РАБОТУ

Закончили свою работу вторые курсы (конференция) молодых писателей при ЦСН. Выводившие и благодарные разведки по домам участников курсов, Спичком много впечатлений. Радужно принимала гостей Москва. Театры, музеи, выставки и мастерские художников и скульпторов широко открыты перед ними свои двери.

Радужие Москвы, гостеприимство и простоту столицы мира они ощущали ежедневно. Им пришлось встречаться и разговаривать с крупнейшими мастерами советского искусства. Некоторые встречи остались в памяти надолго. Такой была встреча со скульптором С. Д. Меркуровым.

Не даром на прощальном вечере, который состоялся в Клубе молодых писателей 5 мая, многие из выступивших говорили о том, что радужие Меркурова в какой-то мере олицетворяло для них работу и радужие всей столицы.

На прощальном вечере с напутственным словом выступил И. А. Новиков.

— Можно быть писателем, еще не написав книгу, так же, как и написав книгу, можно все-таки писателем не стать, — говорит И. А. Новиков. — Писателем человек становится, только почувствовав в себе такой запас духовного богатства и знания жизни, который он считает невозможным не нести миру, не передавать другим.

И. Новиков говорил еще и о том, что большим положительным явлением в работе курсов надо считать их широкую программу. Музыка, живопись, скульптура, архитектура — все надо знать писателю. Свою речь И. Новиков закончил словами Хемингуэя о том, что писатель должен быть долговечным, ему нужно заботиться о долгой жизни. Труд, который он предполагает, столь велик, что ему нужно время, чтобы преодолеть самого себя, дать самое хорошее, что он должен дать миру. — Позвольте закончить пожеланием вам доброго здоровья, и будем надеяться на хорошие, волнующие встречи с вами на страницах ваших произведений.

С приветствиями от московских писателей также выступили Л. Пасынков и Ш. Сослан.

Возвращению и тепло прощались с московскими писателями участниками курсов-конференции 32 автономных республик и областей.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

Мы, молодые писатели 32 национальных республик и областей, провели две декады в Москве, в день нашего разезда по домам горячо благодарим союз советских писателей СССР, членом комиссии правления союза по организации курсов т. Фалева, Павленко и Соболева и национальный сектор союза за организацию курсов-конференции молодых писателей.

Мы сходились в Москву со всех концов нашего необъятного Союза, с вершин Памира и с берегов Волги, из Северной Карелии и со знойных закавказских долин.

И нам радостно было, что Москва встретила нас ласково и гостеприимно. Перед нами раскрылись двери лучших театров и музеев страны, мастерские виднейших художников реза и кисти, творческие лаборатории прославленных поэтов, писателей и режиссеров. Много радостных, полных впечатлениями дней пережили мы.

О благодарности отмечаем мы братский прием, оказанный редакциями газет «Известия» и «Комсомольской правды». Незабываемыми останутся для нас встречи с лучшими мастерами театров — МХАТ, Большого, Вахтангова, Революции и детских театров. В этих встречах поделились с нами практикой своей работы такие замечательные артисты, как М. Тарханов,

И. Москвин, А. Грибов, П. Мансурова, А. Горюнов, М. Габоич, Ю. Файер, С. Образцов, М. Бабанова, А. Ханов, О. Пыжова и ряд других артистов. Активное участие приняли и деятели театров Я. Боярский, П. Марков, А. Никитин, М. Сахаровский, З. Сажин.

Прекрасным уроком мастерства художников было для нас посещение мастерской замечательного скульптора С. Меркурова.

Прекрасные результаты вдохновенного труда показали нам в своей мастерской художник П. Кончаловский.

Мы глубоко признательны нашим старшим товарищам-писателям, журналистам, поэтам, литературоведам, критикам, так дружески делившимся с нами своим богатым опытом.

Мы особо благодарны непосредственным руководителям курсов-конференции — В. И. Лавуту, П. И. Лавуту и А. А. Кудрячкову. Уезжая в свои республики и области, каждый из нас увозит лучшие воспоминания о столице советской родины, о ее неисчерпаемых культурных богатствах.

Участники курсов-конференции 32 автономных республик и областей.

ВРУЧЕНИЕ ШЕВЧЕНКОВСКИХ МЕДАЛЕЙ

КИЕВ, 9 мая. Сегодня правительственный Шевченковский комитет УССР вручил ряду поэтов, писателей и художников Советского Союза, принимавших активное участие в праздновании 125-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко, юбилейные бронзовые медали.

На лицевой стороне медали выгравирован барельеф поэта с надписью: «Тарас Григорьевич Шевченко». Под барельефом даты рождения и смерти поэта: 1814—1861 гг. На оборотной стороне медали — лавровый венок, звезда с расходящимися лучами, даты 1814—1939 и римские цифры СХХV.

СОВЕЩАНИЕ ЮБИЛЕЙНЫХ КОМИТЕТОВ ПРИ СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

КИЕВ, 9 мая. Сегодня в Киеве состоялось объединенное совещание юбилейных комитетов при Союзе Советских писателей СССР по проведению в 1941 году празднования 800-летия со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами и 500-летия со дня рождения великого узбекского поэта Алишера Навои. В совещании приняли участие писатели братских советских республик.

Азербайджанские поэты тт. Расул Рза и Рафили и узбекский писатель тов. Хуснинов сообщили на совещании о подготовке к торжественному празднованию юбилеев.

Принято решение организовать республиканские юбилейные комитеты и присутствовать к переводом произведений Низами и Навои на национальные языки. Эти издания должны быть готовы к юбилейным дням.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР ТЕАТРАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Комитет по делам искусств при СНК СССР организует всесоюзный смотр талантливых молодых работников театра. В смотре примут участие: молодые актеры в возрасте до 30 лет, имеющие стаж не более чем 5—7 лет работы на профессиональной сцене, которые используются театрами во вторых и третьих составах, на эпизодических ролях и во вспомогательных составах; молодые актеры, исполняемые на первых ролях; молодые режиссеры, театральные художники и композиторы.

При подготовке к смотру театры в новых спектаклях должны поручить молодым актерам, исполняющим роль вторых ролей, первые роли; актеры, занятые в эпизодических ролях, получат вторые роли; актеры вспомогательного состава получат самостоятельную работу в ответственных эпизодах.

Каждый театр поручит во второй половине 1939 года одну постановку молодому режиссеру. Это будет не «молодежный спектакль», а постановка с участием ведущих актеров — мастеров театра.

В Москве и Ленинграде смотр начнется 15 мая; в остальных театрах страны — 1 сентября. Закончит всесоюзный смотр к 15 декабря. Итоги смотра будут подведены к 1 января 1940 года.

В результате смотра художественные руководители театров разработают конкретные планы выдвинуть театральную молодежь на более ответственную работу и повысить тарифные ставки молодых актеров. Местные советы примут меры к улучшению жилищных и материально-бытовых условий.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

По полученным из Лондона сведениям агентство Рейтер сообщило по радио, что английский ответ на предложение СССР содержит следующие основные контрпредложения: во-первых, Советский Союз должен дать гарантии в отдельности каждому государству, граничащему с ним и, во-вторых, Англия обязуется оказать помощь СССР, если последний вступит в войну в результате выполнения взятых на себя гарантий. На основании данных, полученных в авторитетных советских кругах, ТАСС может заявить, что это сообщение агентства Рейтер не вполне соответствует действительности. Советское правительство действительно получило 8 мая «контр-предложения» английского правительства, против которых не возражает и французское правительство. В этих предложениях не говорится, что Советское Правительство должно гарантировать каждое в отдельности государство, граничащее с СССР. Там говорится о том, что Советское Правительство должно оказать немедленное содействие Великобритании и Франции в случае вовлечения этих последних в военные действия во исполнение принятых ими на себя обязательств по отношению к Польше и Румынии. Однако, в «контр-предложениях» английского правительства ничего не сказано о какой-либо помощи, которую должен был бы получить на основе взаимности Советский Союз от Франции и Великобритании, если бы он равным образом был вовлечен в военные действия во исполнение принятых им на себя обязательств в отношении тех или иных государств Восточной Европы.

Досадное упущение

Детиздат сделал своему юному читателю очень ценный подарок — хорошо подобранный однотомник произведений Маяковского.

В него вошли стихи и поэмы («Ленин» и «Хорошо» целиком, другие поэмы — в отрывках), «Мистерия-буфф», вторая часть статьи «Как делать стихи» и выделенные отрывки из очерков «Мое открытие Америки».

К сожалению, однако, в издании огромного значения есть очень серьезное упущение, благодаря которому пользоваться им юному читателю оказывается крайне затруднительно. Это — отсутствие подстрочных толковых комментариев к тексту.

Для примера приводим список вопросов, с которыми обратился в справочный отдел библиотеки-музея Маяковского ученик I курса художественного техникума, знакомящийся с творчеством Маяковского по однотомнику Детиздата.

«Что значит: «Берут, например, паспорта с двухспальным английским левом» («Советский паспорт»)? Или: «Красные губки розой убигантас» («Красавицы»)? Кто такая «Кудильская тетя»? Что это «буа до булон» («Процанция»)? Что такое «Клопас» («Юбилейное»)? Что значит «к вам приставит бы кого из напостов» («Сергею Есенину»)? Кто такие «кудрватые Митрейя» и мздрватые Кудрейки» («Во весь голос»)?

Перечень вопросов можно было бы продолжить еще и еще... Все они вполне законны не только для читателя детиздатовского издания, но и для читателя, гораздо более подготовленного и взрослого. Доказывать необходимость объяснительных комментариев к подобному типу изданию Маяковского как будто бы излишне. Остается только поразиться тому, что редакция Детиздата упустила это из виду и тем самым сильно обесценила нужный, хорошо составленный однотомник.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

В Гослитиздате вышли из печати книги М. Зошенко, «Забранное». В книгу вошли рассказы разных лет и две повести «История одной жизни» и «Возмездие».

Юрий Крымов, «Танкер «Дербент»». П. Нишин, «Золотые руки». Сборник рассказов.

П. Лукицкий, «Солнце все выше». Повесть и рассказы. М. Паустовский, «Повести и рассказы». В книгу вошли две повести («Северная повесть» и «Черное море»), 15 рассказов и две биографии — «Орест Кипренский» и «Исаак Левитан».

В. Сосюра, Сборник избранных стихов в переволах Э. Вагрикского, Н. Ушакова, А. Прокофьева, Д. Бродского, М. Шекстера.

Вышел первый номер «Роман-газеты» за этот год. В номере — «Непобедимый Кляйта» Алны-Луны Стронг.

В издательстве «Советский писатель» вышли книги: Т. Г. Шевченко, «Кобзарь». В переводах русских поэтов под редакцией Н. Брауна и А. Прокофьева. Прелистование М. Зошенко. Вступительная статья Н. Бельчикова. Редакция текста и примечания И. Айзенштока. (Основная серия «Библиотеки поэта»).

А. Новиков-Прибой, «Море зовет». Избранные повести и рассказы. Александр Жаров, «Доброе утро». В сборник вошли стихи, песни, поэмы и переводы.

Н. Чертова, «Разрыв-трава». Роман. Александр Гитович, «Город в горах». Поэма.

ПОПРАВКА

В «Литературной газете» № 20, в заметке «Лири Коста», допущены опечатки. Во втором абзаце следует читать вместо «Кубабы» — «Кубарды». В четвертом абзаце следует читать вместо А. Цогова — Б. Цоголов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ГОСТИНИЦА ИНТУРИСТ В КИСЛОВОДСКЕ

производит предварительную

ПРОДАЖУ КОМНАТ

(с предоставлением курса лечения)

НА ВСЕ МЕСЯЦЫ 1939 г.

ПРИ ГОСТИНИЦЕ РЕСТОРАН, АВТОГАРАЖ

Обращаться в Управление Эксплуатации Интурист, Москва, ул. Горького, 11, комн. 218, т. 4-16-99.

ПОСЫЛКА

СПОРТПРИНАДЛЕЖНОСТИ

1. СТАНДАРТНАЯ ПОСЫЛКА № 25 (для теннисиста)		2. ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА	
Цена 116 рубл.		Р. К.	Р. К.
1. Ракетка	1 шт.	Гранаты для метания (чубеиные)	от 7—70
2. Мячи теннисные	4 шт.	Медицин. бол. от 1—6 кг	» 37— » 52—
3. Чехол для ракетки	1 шт.	Мячи для метания от 1—2 кг.	» 32— » 45—
4. Пресс для ракетки	1 шт.	Ядра для метания	» 6—50 » 13—
5. Туфли белые теннисные на рези. подошве	1 пара.	Древки для метания	» 39—50 » 42—
		Наковальни и др.	» 12—50 » 14—30

ВЫСЛАЕТ ПОЧТОЙ

отдельным гражданам, физкультурным организациям, добровольным спортивным обществам, колхозам, совхозам, МТС, клубам, школам и другим организациям (кроме торгующих)

СТАНДАРТНАЯ ПОСЫЛКА № 39 (для охотника) — цена 166 рубл.

ПОСЫЛКА СОДЕРЖИТ:	
1. Ружье системы «Моина» калибра 28	1 шт.
2. Закуртка	1 шт.
3. Барклай	1 шт.
4. Шомпол 3-коленчатый	1 шт.
5. Погонные ремни	1 шт.
6. Чехол охотничий	1 шт.
7. Бурский псаю	1 шт.
8. Манки для рывочков	1 шт.
9. Манки для уток	1 шт.
10. Манки для тетеревов	1 шт.
11. Мерка для пороха	1 шт.
12. Гильзы металлических	20 шт.
13. Шетка-пуховая	1 шт.
14. Масло для ружья	3 фл.
15. Поводок для собак	1 шт.
16. Ошейник	1 шт.
17. Мазь для собак	1 банка
18. Пыжи войлочные 200 шт.	1 кор.
19. Пыжи картонные 200 шт.	1 кор.
20. Шетка металлическая	1 шт.
21. Масленка 2-горловая	1 шт.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ

1. Цены включают все расходы по упаковке и пересылке в пределах 1-го почтового пояса. Разница в стоимости пересылки во 2-й, 3-й и 4-й почтовые пояса взимается дополнительно.
2. Деньги направляются почтовым переводом по адресу: Москва, ул. Кирова, 47. Почслотгору, Управления Писателя Губкина в Москве и в заказе указывать сумму и дату перечисления.
3. Заказ пишется обязательно на оборотной стороне почтового перевода. Переводы без указания в них заказа Почслотгору от почты не принимаются и деньги возвращаются обратно с отнесением почтовых расходов за счет заказчика.
4. Организация перечисляет деньги на расчетный счет «Почслотгору» № 460019 в Операционном Управлении Писателя Губкина в Москве и в заказе указывать сумму и дату перечисления и наименование отделения банка, перечисляющего деньги.
5. Адрес для отправления посылки указывайте подробно: область, район, город или селение, почтовое отделение, улицу, номер дома, фамилию, имя и отчество получателя — полностью.
6. Наложенным платежом посылки не высылаются.
7. Заказы выполняются в порядке поступления в течение 25 дней с момента получения вазара и денег.
8. Заказы выполняются на сумму не менее 15 рублей.
9. Заказанный тяжелый спортивный инвентарь, заказчик должен указать жел.-дор. станцию назначения.
10. Почслотгору не обслуживает гг. Москву, Ленинград и Московскую область.

